

18+

Ксения Нели

ЛОВУШКА ДЛЯ МУЗЫ

Ксения Нели

**Ловушка для музы. Сборник
фантастической прозы**

«Издательские решения»

Нели К.

Ловушка для музыки. Сборник фантастической прозы / К. Нели —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984376-0

Что делать, когда вдохновение исчезло, а муза играет с тобой в прятки? Когда дроид берёт тебя на прицел, и неизвестно, чем обернётся прощанье — давней мечтой или затаённым страхом — что остаётся? Только бежать сквозь принесённый снегом ужас; петлять музейными лабиринтами, одолеть ядовитую крымскую пустошь; спешить навстречу новому дню, рискнуть всем и взлететь драконом... И если захлопнется ловушка, так ли важно, что там, на дне чаши — улыбка древнего бога или горечь неискупленной вины? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-984376-0

© Нели К.

© Издательские решения

Содержание

ЛОВУШКА ДЛЯ МУЗЫ	6
ПРИБЛИЖЕНИЕ ПЕРВОЕ	6
Ракурс первый	7
Ракурс второй	10
Ракурс третий	12
ПРИБЛИЖЕНИЕ ВТОРОЕ	14
Ракурс первый	15
Ракурс второй	18
Ракурс третий	24
ПРИБЛИЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ	26
Ракурс первый	27
Ракурс второй	29
Ракурс третий	31
ПРИБЛИЖЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ	35
Панорама	37
РАССКАЗЫ	39
ЗМЕЕВОРОТ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ловушка для музыки

Сборник фантастической прозы

Ксения Нели

Дизайнер обложки Роман Береговский

© Ксения Нели, 2020

© Роман Береговский, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4376-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛОВУШКА ДЛЯ МУЗЫ

Посвящается Музам, которые терпели, терпят и будут терпеть капризы своих подопечных...

А также самим подопечным, которые страдали, страдают и будут страдать от вдохновительниц.

*Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...*

А. Пушкин

ПРИБЛИЖЕНИЕ ПЕРВОЕ АОЙДА – ГОЛОС

...Когда-то мать-Мнемосина обходилась без чужой помощи.

Вы спросите, как ей это удавалось?

Отвечу – вдохновение для всех одно, кифаред ты, гончар, философ или гетера. Без него ни песню сложить, ни амфору сделать, ни законы мира постичь... ни утешить того, кто их постиг. А если получится без вдохновения – лучше забыть и сызнова начать.

Мы, три сестры, росли гораздыми на выдумки непоседами. Отцу-Могучегремящему было не до нас, не мешаем – и ладно. Иногда заглядывал брат Феб, тот ещё затейник. Только где ему сладить с тремя проказницами! Когда он уставал, мать давала нам поручения. Сначала небольшие, много ли с малявок проку?

А мы, познав радость творения, вошли во вкус. То аэду, заплутавшему в образах, слово подскажем. То вышивальнице с узором подсобим – таким, что и Зевсу хитон украсить не зазорно. То астроному, который зоркость утратил, новую звезду укажем. Бывало, и вазописцу дрожь рук уймём, чтобы не опозорился после возлияний...

Эх, чудное было время!

А потом эти лоботрясы, От и Эфиальт, провели о наших забавах. Наверно, Гесиод похвастал, кем на песни вдохновлён. Или Гомер проговорился, кто ему «Илиаду» напел. Разве из циклопов правду вытянешь?

Язык немеет, и слова на губах стынют, едва вспомню, как одноглазые выслужились! На горе Геликон, на пажитях Пегаса, они возвели святилище...

Да-да, вы не ослышались.

Святилище для трёх сестёр. Трёх муз. Для Мнемы, Мелеты и меня, Аойды.

И с той поры нам не то что присесть – вздохнуть некогда. Денно и ночью к нам вzywают, вдохновение и талант просят. Даже не просят, требуют! Побольше, и можно без нектара...

Ракурс первый

Строго классическая муза – для дураков она... обуза.
В. Казанжаниц

– Владечка-а-а!

Рука Влада дрогнула, и выделенный абзац исчез с экрана ноутбука. Влад торопливо нажал Ctrl+Z, но, перечитав фрагмент, удалил его. Невелика потеря.

Сделав такой вывод, Владимир Любимцев залпом допил кофе с коньяком.

Будучи молодым и амбициозным, он твёрдо знал, что писать просто. Когда озаряет вдохновение, ты берёшь белый лист и оставляешь на нём свою тень.

Молодость поблёкла, амбиции выросли, но он так и не понял, что делать, если озарение погасло. Если белизна текстового редактора или бумажного листа вызывает не предвкушение, а панику.

Взгляд писателя уткнулся в стену. Там лоснилась афиша к фильму по его третьему роману – «Тысяча и одно проклятие». Роману, который сделал его знаменитым.

Слева от афиши блестела глянцевыми томами книжная полка. Один-единственный просвет на ней изводил, как вырванный зуб. Ещё месяц назад здесь должен был стоять четвёртый роман Влада. Роман, который никак не облакался словесной вязью. Более того, который все ещё не имел названия!

– Владечка! Сколько тебя ещё ждать?

Ну ведь тысячу и один раз просил Ляльку не лезть с ерундой, когда он работает! Телефоны она отключает – чтобы не отвлекали, окаянные! – а сама не мешать не может.

То, что ждала ерунда – это к оракулу не ходи.

Лялька, златокудрая муза, вертелась в прихожей перед зеркалом, по фэншуй расправляя складки нового платья и надувая жевательную резинку.

Фавориткой среди жвачек была «Love is...», самая приторная, клубнично-банановая. За два года Влад так и не понял, зачем Ляльке эта отравка – успокоиться, или позлить его, любимого. Что девушка без ума от «клубнично-банального» извращения, он не рассматривал.

– Котечка! – На губах музы вспух и опал розовый пузырь. – Ты ещё не брился? Нам же выходить!

– Куда? – невинно спросил Влад и ловко поймал брошенную в него расчёску.

Выходить не хотелось.

Месяца три назад он неосмотрительно пообещал отметить Новый год в арт-кафе «Люмьер» с Лялькиными друзьями. Тогда взятый правдами и неправдами полугодовой отпуск казался бесконечным. Окрылённый Влад верил, что сдаст книгу в срок, и смотрел в будущее с оптимизмом.

Не проходило дня, чтобы Лялька десятком раз не напомнила ему о предстоящем. Влад уже начал придумывать повод, как избежать вечеринки. Время «Ч» было всё ближе, а повод так и не появился.

– Надеюсь, что я пьяный, никого не смутит? – уточнил он.

– Ты не пьяный. Ты навеселе, – оправдала Лялька своё помятое и небритое сокровище. – Мужчине легкая нетрезвость к лицу. Для имиджа и апанажа.

Ляля – в чём-то наивная, но не глупая – любила жонглировать смыслами и созвучиями.

– Ага! – Влад подхватил эстафету. – А также для арбитража и антуража...

– Именно! – Златокудрая муза хлопнула очередным пузырьком и затрепетала ресницами.

Влад понял – сейчас или никогда. И пошёл напролом.

– Солнышко, ты же знаешь... Я, когда работаю, совсем бестолковый. Сяду между вами бирюком, испорчу праздник... Может, без меня пойдёшь, а?

Ресницы Ляльки дрогнули и застыли.

– Как это – без тебя? А девчонки? Им я что скажу?..

Почувя слабинку, Влад обнял девушку и нежно поцеловал обнажённое плечо.

– Ну... ты ведь что-нибудь придумаешь? Ты же у меня умница! Ты же всё-всё понимаешь!

– А может, мне надоело всё-всё понимать? – Лялька повела плечом. – Может, я хочу, чтобы ты меня понял! Для разнообразия!

– Ляль, ну будь человеком! – взмолился Влад. – Я готов понимать тебя с утра до вечера. Или с вечера до утра. А прямо сейчас – не могу. Понималка барахлит.

Как объяснить музе, что с книгой проблема на проблеме? Что сюжетные линии расплозились змеями из открытого террариума? Что идея лопнула по швам? Что главный герой оказался тряпкой? Что его антагонист, похоже, сошёл с ума, дав убить себя в середине книги? Что, чёрт всё поберёт, ещё три месяца – и отпуску конец, а работа протезиста не способствует вдохновению?

Ну какой тут Новый год!

– Ляль, давай к этим твоим люмберам в другой раз, а?..

Девушка вывернулась из объятий.

– Ну в какой другой? Через год, что ли? Там же новое кино с Аль Пачино!

– Ляль, кино мы и дома посмотрим...

– Но это мой тебе подарок! Ты же обеща-а-ал!

– Ну, обещал... – Влад пытался свести разговор к шутке, но копившаяся с утра досада пересилила. – Я же не хозяин вдохновению! Оно приходит, когда захочет.

– Не знаю, как с вдохновением, но своим словам ты точно не хозяин! Вот Наташка с очередным бизнесменом покажется. Маринка – та своего футболиста притащит. А я? Вот что мне им говорить, а?

Девушка отступила, теребя браслет с десятком подвесок – новогодний подарок, который, как Влад его ни прятал, она ухитрилась найти заранее. Впрочем, как всегда.

В пятнадцатом году, на Евроконе, перспективного писателя Владимира Любимцева с первого взгляда очаровала златокудрая Леночка, умница и красавица. Его муза, его Елена Прекрасная.

Но сейчас перспективы день ото дня становились всё туманнее. До красавиц ли?

А уж что о нём подумают подружки Ляльки, на паях с которыми она держала салон красоты, его тем более не волновало.

– Что сказать? – уточнил он. – Скажи, как есть. Что я у тебя такой, слов не держащий. Что книгу пишу. Что вдохновение мне дороже дурацкой компании...

Сказал и прикусил язык.

Браслет лопнул, подвески запрыгали по полу. Лялька швырнула на подзеркальник порванную цепочку. Дрожащей рукой вынула жвачку изо рта и огляделась в поисках салфетки.

Влад судорожно подбирал нужные слова. Те, что повернут время вспять. Но, творя чудеса на бумаге, в речевом жанре он не преуспел.

– Ляль, я не то хотел...

Он потянулся обнять любимую, но она отпрянула. Затем налепила жвачку на зеркало. Влад заподозрил, что на его небритое отражение.

– То, котечка, всё то. И компания у тебя дурацкая. И я дура. Была бы умная, Новый год бы в Альпах встречала! И альпак с рук кормила!

– Ну да! – Влад ухватился за соломинку. – Вместе с Аль Пачино!

– А хоть бы и с ним!

Накинув на плечи шубку, девушка развернулась на каблуках и хлопнула входной дверью. Влад кинулся вдогонку, но поскользнулся на бусине и еле устоял на ногах.

– В кафе, значит! – крикнул он урчащему лифту. – Аль Пачино с рук кормить! Ну и скатертью дорога!

Он прислушался. Вдруг вернётся. Должна вернуться!

– Такси на Шевченко, к девятиэтажке, пожалуйста... – услышал он из-за двери.

Нет, не может она взять и уйти!

Собственно, почему нет? Кто он, Влад, такой?..

Разбавленный коньяком здравый смысл резюмировал неутешительное. Он – ничто. Совершенное Архинесовершенство. Ноль без палочки. Даже не отрицательная величина, ведь ноль – всегда ноль. А с отрицательными величинами можно чудеса творить...

Как человек, пишущий про всякие чудеса, Влад в них не верил.

Но что ещё позволит сдать в срок разрекламированное продолжение «Тысячи и одного проклятия»?

Упорство, упорство, и ещё раз упорство!

Подбодрив себя, Влад вернулся к роману – писать и править, править и стирать...

Время летело незаметно. Лишь когда на улице засверкали фейерверки, Влад посмотрел правде в глаза – нужно было идти в кафе. Пара вымученных фраз не стоила испорченного вечера и Лялькиной обиды.

Полный мрачных мыслей, Влад выдрал из новогодней икебаны свечу, щёлкнул зажигалкой. Откупорил шампанское, принёс мясную нарезку, мандарины и плитку шоколада. Нашёл на ютубе новогоднее поздравление президента. И, когда главные часы страны начали отсчёт секунд уходящего года, поднял бокал.

– За Новый год! – провозгласил он. – За муз, вдохновение приносящих!

Эх, а действительно...

Влад до боли стиснул ножку бокала, раздосадованный несбыточным желанием.

Вот если бы самая плохонькая муза чисто по-человечески заглянула к нему! Нет, муза – существо высшего порядка. Чисто по-музному? По-музиному? По-музейному? В общем, взяла бы под своё крыло... Или под руку?

Казалось, небо над Феодосией разлетелось на осколки. Вспышка молнии ослепила ветвистыми сполохами. От грохота заложило уши. Зашлись в истерике сигнализации машин.

Едва зрение вернулось, Влад выглянул в окно. Будто, в самом деле, надеялся лицезреть на подоконнике музу, привлечённую огоньком его таланта.

Подоконник был пуст. Шутка ли – девятый этаж. Небо над венчающей перспективу Лысой горой заволочло тучами, по стеклу сползли первые, тяжёлые капли.

Вот тебе и Новый год.

Влад задёрнул штору... как раз, чтобы увидеть, как изменяется тень свечи. Вот она отразила тонкий хвост, прижала уши, упёрлась лапками в стену... и, пискнув, юркнула за напольную вазу.

«Чего только в грозу не померещится!» – хмыкнул писатель.

И, осушив бокал, потянулся к ноутбуку.

Ракурс второй

Поцеловала муза – появилась фраза.
Т. Семирджян

Влад проснулся в начале десятого утра. По давней праздничной традиции, лицом в остатках ужина. Подняв голову, он обвёл кабинет мутным взглядом.

Было тихо и прозрачно, как бывает лишь утром нового года. Свеча оплавилась; потёки парафина застыли на столе.

«Хорошо, что Лялька салатов не настрогала!» – порадовался Влад, сдирая со щеки мандариновый серпантин.

Хорошо-то хорошо, но... По утрам солнышко потчевало его горячим кофе и тающим во рту печеньем. После такого завтрака хотелось жить и творить. Вот подайте ему печенье с шоколадной крошкой, и он прямо сейчас оживёт... и натворит. Только, собственно, где?..

В подробностях вспомнилась вчерашняя ссора. Вновь хлопнула дверь, дробно застучали каблучки, чавкнули двери лифта...

Щёки зачинщика ссоры опалил стыд.

Неужели его златокудрая муза до сих пор не вернулась?

О! Что это? Звон посуды?

Влад привстал, охнул от боли в затёкшей пояснице и прислушался.

На кухне опять приглушённо звякнуло. То, что Лялька, прогуляв до утра, сразу кинулась наколдовывать завтрак, грело сердце. Значит, не сердится. Простила.

Залпом допив выдохшееся шампанское, Влад зацепил себя в чёрном экране ноута – обрюзгшего и небритого. Такая рожа не то что муз, мышей распугает!

М-м-м... Стоп. Мыши? При чём тут мыши?

Влад пожал плечами. Хотел бы он глянуть на того, кто объяснит все свои мысли, слова и поступки.

Кстати, о поступках...

Влад нехотя включил мобильный – впервые за неделю. Если книга не пишется, какая разница, отвлекут его или нет?

Телефон тут же завибрировал от входящего звонка. Влад глянул на экран и застонал.

Известность, как истинная женщина, не терпит однообразия. Она одаривает публикациями и хвалебными рецензиями. Она приглашает на конвенты, притягивает поклонников и поклонниц, которые жаждут встречи с кумиром.

А ещё известность спускает с цепи ручных демонов.

Демонами Влада были Павел Сиянский, директор ведущего крымского издательства «Гиппокрена»... и, что гораздо хуже, редактор «Гиппокрены», Хатира Нуриева. Если господин Сиянский иногда входил в положение автора, то Хатира Керимовна была тверда, как алмаз. Она презирала оправдания, которыми слабаки и неврастеники прикрывали свою никчёмность.

И первого января она звонила не поболтать о встрече Нового года и не пожаловаться на симферопольскую слякоть. Исключительно узнать, как обстоят дела у Владимира Любимцева.

Углубляться в состояние дел Владу не хотелось.

Время сдавать рукопись было на исходе. Четвёртого тома «Проклятий», судя по всему, «Гиппокрена» не дожждётся.

Телефон ёрзал по столу, и Влад принял вызов. Кивая, выслушал дежурные пожелания упрочить в Новом году творческие успехи. Чувствовалось, что Нуриева тоже не верит в чудеса.

Неприятный разговор всегда заставлял Влада вертеть карандаши, раскладывать монетки по ранжиру, равнять бумагу для записей или бездумно кочевать по интернету.

Разбудив ноутбук, он щёлкнул мышкой... и на миг зажмурился.

Наверное, так, исподволь, подкрадывается белая горячка.

Перед ним возник текст. Текст, которого ещё вчера не было.

Позабыв о «Гиппокрене», Влад листал страницы. Определённо, писал он, и никто другой. Он знал свой стиль. Знал словечки-паразиты, которые обильно всходили, а потом нещадно выпалывались. Знал привычку растекаться мыслью там, где с разгону не находил слов. Знал обратную напасть, когда, увлёкшись, забывал, что читатель не всеведущ, и выдавал шедевры лаконичности...

– ...наше совместное будущее видится мне далеко не в радужном свете... – донеслось из телефона.

Ещё вчера Влад, презирая себя и ненавидя мир, проямлил бы нечто невразумительное.

Сейчас он вспомнил, как, подхваченный пузырьками шампанского, нырнул в пленительную белую бесконечность. Вспомнил – или примерещилось? – как тень-мышь на стене тёрла мордочку.

Кошки умываются – к гостям. А что намывают мыши?

Ну конечно, вдохновение!

– Вы совершенно правы, Хатира Керимовна! – с готовностью признал Влад.

– В чём именно? – уточнила она.

Холод её тона мог погрузить Африку в вечную зиму.

– Былой успех уже не упрочить. Роман я вам, пожалуй, не пришлю...

– В самом деле?

Вслед за Африкой новый ледниковый период навис над южным полушарием.

– Один роман – как-то несолидно, – Влад поборол смешинку. – Два – звучит лучше, правда?

Ракурс третий

Муза – не всегда женщина, и не всегда человек...

Брюн

– Владя!

Влад не слышал крика. Второй день после разговора с Нуриевой он творил – легко, словно дышал. Белизну текстового редактора заполняло чудо. Буква за буквой, слово за словом, абзац за абзацем, страница за страницей...

– Вла-а-а-дя! – Крик перешёл в ультразвук. – Убей её, убей!!!

Едва не опрокинув кресло, Влад выскочил из кабинета. Что там ещё не слава музы?

На кухне он узрел прекрасное.

Разбитая тарелка и несостоявшийся завтрак украсили пол занятой абстракцией. На табурете посреди абстракции стояла Лялька, подтянув платье до середины бедёр. Картина маслом, сыром и колбасой.

«Сыр вашему дому!» – подумал про себя Влад и хохотнул. К несчастью, вслух.

– Ты ещё и смеёшься? Ты же знаешь, я крыс боюсь!

– Знаю, – согласился он, радуясь, что нашлась управа и на Ляльку. – Но я думал, ты настоящих крыс боишься.

Девушка разжала пальцы, и подол вспенился вокруг точёных ног.

– А какие ещё крысы бывают, котечка? Просветишь?

– Воображаемые? – брякнул Влад. И, встретив убийственный взгляд, развёл руками. – Ляль, ну откуда крысы на девятом этаже? Просочились через канализацию? Влезли в форточку? От соседей? Да у тех тараканов нет! Сама подумай!

Распалившись, он саданул кулаком по холодильнику.

– По лбу себе постучи! – обиделась Лялька. – А вот это что? Там, в углу, а?

Влад нагнулся. Присмотрелся. Хмыкнул.

Из-за осколка тарелки выглядывал клочок пепельного меха с верёвочкой хвоста. Немышь – мышка. Точь-в-точь, какая на Новый год примерещилась.

То, что серохвостая не оказалась плодом воображения, позабавило. Может, даже...

Влад прикусил губу, чтобы не расхохотаться и окончательно не вывести любимую из себя. Но может, благодаря серой проказнице он и начал пятую книгу?

Ошалевшая проказница походила на солдата, залёгшего за углом дома в разгар уличного боя. Сейчас перезарядит автомат, выглянет, даст знак своим – прикройте! – и бросится к новому убежищу.

– Чего смешного? – Любимая вновь подобрала подол. Будто спасалась от стаи длинношеих гусей.

– Ляль, этомышь, – ответил Влад. – Просто маленькаямышь. Чего её бояться?

– Ты больной? – помолчав, спросила Лялька. – Это же МЫШЬ!

– И что?

– И то!

Лялька надула губки. Видимо, устала от позы а-ля Мэрилин Монро. Или Влад опять проштрафился. Не выразил сочувствие. Не поддержал под локоток, облегчив Елене Прекрасной спуск на абстракцию из сыра и колбасы.

– Они заразу разносят! – будто несмышлёнышу, пояснила она. – И вообще!..

Какие ужасы таит это «вообще», Влад не знал. Недосказанность будила воображение, которое он совсем недавно считал если не усопшим, то впавшим в летаргию.

– А в частности?.. – поощрил он.

– Продукты жрут!

– И правильно! Я жру, значит, существую...

Лялька посмотрела – словно камнем запустила.

– Ну и целуйся со своей мышью! – придерживая подол, она с достоинством сошла с табуретки.

Серый хвост дёрнулся. Лялька, отбросив достоинство, с визгом выскочила из кухни.

Поморщившись от хлопка дверью – традиция, однако! – Влад сел на пол.

– Бедная ты, бедная! – пожалел он черепок. – Напугали тебя?

Из-под осколка высунулась мордочка с белёсой чёрточкой на лбу. Не видя опасности, мышь вылезла, принялась. Посмотрела на Влада, затем, будто спрашивая разрешения – на кусочек печенья. Вдруг она притронется, а ей прилетит сковородкой? Этой, с красной ручкой.

– Не стесняйся, – вздохнул Влад. – Я угощаю. Что моё – твоё...

«А не сварганить ли кофейку? – спросил он себя. – И – за ноут. Пока мышь... тьфу, пока мысль не убежала».

В дверь поскреблись.

– Котечка! Она ещё там?

Мышь уплетала печенье – любо-дорого посмотреть.

– Она ещё тут, – подтвердил Влад.

– Ну так сделай что-нибудь!

– Бутерброд сгоношить? Салатик? Или просто чаю?

– Владя, с мышью! С мышью что-нибудь сделай!

Влад почесал затылок. Не то чтобы мышь мешала... На кухне она ориентировалась, значит, уже заскакивала в гости. Если бы Ляльке не «повезло», может, они бы серохвостую ещё полгода не засекли. Но житейский опыт подсказывал, что мышь в квартире не сулит ничего хорошего.

– Сделаю, – сказал он. – А пока, может, по бутеру?

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВТОРОЕ МЕЛЕТА – ОПЫТ

...Помню, когда нас, мыслящих, было три сестры. Как в шутке – одна старшая, другая умная, третья – красивая. Но с обязанностями мы справлялись на славу. И не ради песней аэдов или даров на Геликоне. Хотя почитание приятно, что бы ни ворчала Аойда.

Так бы и шло, год за годом, век за веком...

Но нет! Там, куда влезут смертные, всё катится в тартарары. Понаедут всякие, так начудесят, что даже мойры руки опустят. А уж им в разборе хитросплетений равных нет...

О ком я? Конечно, об этом эматийском выскочке. Кто, как не Пиэр, вбил в голову, что нас девять! Мол, разве могут три музы, пусть и дочери Зевса, вдохновить всех страждущих? Разве под силу им уследить за многообразием талантов и предназначений?

Ладно, что с Пиэра взять. Сказано – царь, голова от власти закружилась. Но за ним и подданные девятикратный бред подхватили! Им, видите ли, так удобнее. Узкая специализация. Чтобы знать, с кого спрашивать.

В общем, повеселили нас изрядно. Мать-Мнемосина к отцу-Зевсу с расспросами – откуда у слухов крылья растут? Ну их к Аиду, или надо соответствовать? Что?! Надо?!?

Ну, надо – значит, надо...

Так у нас появилось девять младших сестёр. Считайте, детства у крошек не было. А что было? Были братец Феб за наставника и взмыленный Пегас за домашнего любимца. С малолетства натерпелись сестрёнки от этой узкой специализации.

Звёздное небо и астрономию – Урания под крыло взяла. Сбежала, умница, подальше от суеты. Каллиопе философы и поэты достались. Клио скрижали истории выпали, хоть она и утиралась – разве непьющий разберётся, что смертные наворотили, а пуще того – к чему стремились? Мельпомене и Талии театр подбросили, который, как сама жизнь, полон трагедий и комизма. Священные гимны Полигимния из-под носа сестёр увела – как знала, что чем дальше, тем меньше её тревожить будут. Непоседа-Терпсихора плясуньей заделалась – с танцами жизнь веселее. Эвтерпа ударилась в лирику, Эрато влюблённым венков наплела – на тессераконтаре не увезти...

Мельком глянешь – каждая муза на своём месте.

А приглядишься... Ну ведь сборище лентяек!

Попробовали бы они, как мы прежде – в одночасье на гимн и трагедию вдохновить! Да чтобы первый за сердце брал, а вторая слезу выжимала. И поглядывать между делом, чтоб летописец историю не переврал, а девица, вопреки воле родителей с любимым сбежавшая, счастье нашла...

Ракурс первый

Мышь гложет, что может.

Пословица

Есть, есть в Хатире Керимовне что-то нечеловеческое! Как она в своём Симферополе узнала, что Влад час назад закончил книгу? Такое чутьё вырабатывается годами, или редактор – инопланетянка с телепатией, предвидением или что там положено внеземному разуму?

Закончив разговор, писатель допил кофе и облизал взглядом просвет на книжной полке. Вместо одного тома – ха, чуть не похороненного! – скоро будет два.

Прибиравшая квартиру Лялька заглянула в кабинет:

– Кто звонил, котечка?

– Единственная и неповторимая, – фыркнул Влад.

– А! – Лялька с лёту поняла, о ком речь. – И как она сегодня?

– Сыта и благодатна.

– Позавтракала дюжиной писак, вот и благодатна! – хлопнув жвачкой, проворчала Лялька. – А чего хотела?

– Спросила, как я смотрю на переиздание «Проклятий».

Ахнув, Лялька вместо ладони прижала ко рту метёлку для пыли.

– Да ты что! – и тут же спохватилась: – А ты смотришь?

– Ещё как! – рассмеялся Влад, забивший на творческий кризис. – А ведь думал, цикл в жизнь не закончить...

Поддавшись воспоминаниям, он взял в руки первый том «проклятого» цикла... И едва не выронил.

– Это что, солнышко? – тупо спросил он.

– Где?

Отдирая жвачку от метёлки, Лялька подошла, глянула и вновь ахнула.

Книга была выедена, точно ломоть хлеба.

– А ведь я говорила, котечка!..

Не доверяя глазам, Влад потянулся к следующему тому. Точнее, каркасу, который прикидывался неповреждённым.

Утробно рыча, Влад смёл книги – нет, настоящие огрызки! – с полки. В углу, за толстым десертным томом, открылось гнездо из остатков «Тысячи и одного проклятия».

Застигнутая врасплах мышь сиганула с полки на Ляльку, запуталась в волосах. Завизжав, девушка принялась охаживать себя метёлкой. Морщась от перепадающих ему ударов, Влад изловил грызуна. Тот замер у него в кулаке – то ли прикинулсядохлым, то ли околел от ужаса.

«А ведь мышь – та самая!» – подумал Влад, разглядев неровную отметину на сером лбу.

Но давнее знакомство не помешало ему отнести добычу в мусорный контейнер на улице.

Когда он вернулся, Лялька с ногами сидела в его кресле.

– А в-в-ведь я гов-в-ворила! – заикаясь от пережитого ужаса, повторила она. – Я гов-в-ворила, что с мышью н-н-надо что-то делать!

Взглянув на прорицательницу раненой ланью, Влад стал осматривать квартиру. И едва не схлопотал сердечный приступ.

Как они прежде не заметили мышинные следы? Труха, обгрызенная мебель, помёт... За художественно выеденными обоями – к оракулу не ходи! – простирался лабиринт. Возможно, стены и межэтажные перекрытия таили мышинные нуль-телепорты, на панелях которых теснились номера квартир. Зелёным цветом обозначались те, посещение которых не требовало визы. Гуляй – не хочу. Лопай – от пуза! Красным отмечался путь в один конец; там

жили кошки. Оранжевым – квартиры с мышеловками разной степени гуманности. Хотя, зачем мышеловкам быть гуманными? Они же не на человека. Или человек, используя мышеловки, порочит свою гуманность?..

– Что там, котечка?

Не решаясь спуститься на пол обетованный, Лялька тянула шею и едва не приплясывала.

– Ну что там такое, а? Вла-а-адя! Почему ты молчишь?

Влад отогнал фантазмагорические картины. Такими темпами они с Лялькой останутся среди голых стен. А самую квартиру серохвостые операторы отметят чёрным цветом безысходности.

– Котечка, ну мне отсюда не видно!

– И хорошо, что не видно, – вздохнул он. – Там, Ляль, плохо.

Девушка, уже опустившая ножку на паркет, стремительно подобрала её.

– И что же будет? – прошептала она.

– Если мышь не одна, – сказал Влад, – то будет ещё хуже.

Останки книг стучали в сердце писателя. Решительно взяв ноут, он сел у Ляльки в ногах:

– Окей, Гугл! Как поймать...

Варианты посыпались как из рога изобилия:

...как поймать покемона...

...как поймать перо жар-птицы...

...как поймать кенгуру...

Лялька обняла любимого, устроила подбородок у него на плече и тихонько вздохнула.

– Нам повезло! – сказал Влад. – Могли бы ловить покемона. Или перо жар-птицы.

– Лучше уж покемона...

– Это чем лучше?

– Чем перо, – хихикнула Лялька. – Оно ведь спалит всё к чертям. С хозяевами, мебелировкой, полировкой и поллитровкой.

«И вдохновением», – неожиданно подумал Влад, и его настроение испортилось окончательно. Рука дрогнула и стрелочка мыши... – тьфу, и тут она, проклятая! – коснулась не той ссылки.

...«мышь» – сакральный термин, известный у многих народов с незапамятных времён. Об этом свидетельствует неизменность слова «мышь»: укр. миш, болг. миш, сербохорв. миш, словен. miš, чеш., слов. myš, польск. mysz, в.-луж., н.-луж. myš. Индоевропейская основа на согласный: др.-инд. mīś- м. «мышь», нов.-перс. mīš, греч. μυς м. «мышь, мышца», лат. mīś, алб. mi «мышь», д.-в.-н. mīś – то же, арм. miqn «мышь, мышца»; др.-инд. mōsati, musati, mīśnāti «ворует»... Согласно народному поверью, Млечный путь, Мышиная тропка – это дорога, по которой душа отправляется на тот свет...

Лялька жарко задышала Владу в ухо. Он повернулся чмокнуть её щёку, и курсор вновь дёрнулся.

...Античные авторы, такие как Теофраст, Элиан, отмечали, что мыши своим поведением предсказывают погоду, особенно грозовую...

Влад вернулся к поиску.

...как поймать мышь...

...как поймать мышь дома...

– Стоп! Нам сюда! – Лялька впила ногтями в его плечо.

– Угу, – согласился Влад. – Выходи, приехали.

После часа штудий, ошеломлённые обилием советов, они сделали выбор.

Кошку сходу отверг Влад. Она издерёт мебель и двери так, что мыши от зависти удавятся.

Ловушка с клеем не понравилась Ляльке. Приклеится мышь, и что с ней делать? Отнести на мусорку? Скормить дворовым котам? Залакировать и водрузить на полку охотничьим трофеем?

От посыпания хлоркой проторенных грызунами тропок отказались хором. Ведь запах погонит хозяев впереди серохвостых!

Больше всего глянулся вариант с монеткой, на ребро которой ставилась банка. Учув приманку, мышь забиралась внутрь, задевала стенку, монета падала и ловушка захлопывалась.

Дурак справится. А писатель под чутким руководством музы – и подавно.

Они сделали три ловушки, не представляя, во что ввязываются.

Впрочем, если бы Владу сказали – во что – разве бы он поверил? Творцы собственных миров на поверку – ещё те материалисты.

Цифра «три» виделась ему воплощением гармонии. Никаких ложных посылов, чистая математика и подтверждённые опытом результаты. Именно третий его рассказ напечатали, именно третий роман произвёл фурор. Именно Ляльку, свою третью по счёту девушку, он полюбил по-настоящему...

Так что три ловушки знаменовали три удара по врагу.

В том, что враги – сколько бы их не таилось в квартире! – будут повержены, Влад не сомневался.

Ракурс второй

Здравствуй! Я твоя мышка, я твоя мышка, и я тебя съем!

Д. Чижов

Массируя виски, автор «Тысяча и одного проклятия» таращился в белизну текстового редактора. Мыслями он был от книги дальше, чем муравей – от вершины Эвереста. В голове царил сумбур. Редкие слова, возникающие на экране, не желали складываться в чудесный узор.

А ведь с Нового года ему творилось прекрасно. Что случилось за эту неделю? Подкрался творческий кризис? Сглазила восторженная Лялька? Или...

Или во всём виноваты мыши?

Влад скрипнул зубами. Он знал – работая над заявленной книгой, нельзя отвлекаться. Особенно на мелочи и пустяки.

Но разве это пустяк? Как серохвостая погань ухитрилась сожрать приманку и не попасться? Утром в ловушках, кроме монет, ничего не было, хотя Влад с Лялькой в тягостном молчании рассмотрели банки со всех ракурсов.

«Наплевать!» – разозлился Влад.

Лялька уже новые ловушки сделала. Да ещё для верности раскидала по квартире листья мяты и лавра, отпугивающие мышей.

Так что рано или поздно нежеланные квартиранты – все до единого! – попадутся, как миленькие.

И Влад, наперекор мышам и кризисам, замолотил по клавишам.

За спиной стукнули набойки – боясь грызунов, Лялька носила туфли на платформе – и на столе возникли выпечка и кружка ароматного кофе.

Благодарно улыбнувшись, Влад потянулся к печенью. Надкусил и, морщась, отложил в сторону. Невероятно! Чтобы у его солнышка – да что-то подгорело? Борясь с послевкусием, он схватил кружку, ополовинил двумя глотками...

– Ляль, чёрт тебя дери! – закашлялся он. – Ты чего налила? Кефира?

Девушка наклонилась, понюхала кофе и всплеснула руками.

– Котечка, это было молоко!

– Когда? Сто лет в обед?

– Ещё вчера! Просто оно скисло!

– Скисло? – удивился Влад. – Стерилизованное? Зимой? В холодильнике?

– Стерилизованное! Зимой! В холодильнике! – Каждое слово сопровождал решительный кивок. – А чего ему не скиснуть, если...

– Если?.. Если – что?

Лялька сжала кулачок до белизны в костяшках и грохнула по столу так, что подпрыгнула кружка.

– Мыши в доме, вот что! – баюкая руку, всхлипнула она. – Из-за них всё наперекосяк!

Влад едва не расхохотался. Но тотчас вспомнил, что у самого работа не клеится. А Лялька чем хуже? Она, может, ещё острее это безобразие воспринимает!

Притянув к себе любимую, он перецеловал пальчики ушибленной руки.

– Солнышко, вот увидишь, мы эту заразу переловим!

– Честно-честно? – недоверчиво переспросила Лялька.

– Честное писательское! И не будет больше ни молоко киснуть, ни печеньё пригорать.

Ни книга стопориться...

– Ой, котечка! – Лялька чмокнула его в макушку. – Тебе не пишется?

– Никак просто, – признался он. – Но как только...

Дзынь! Хлоп! Ба-бах!

Трижды вздрогнув от звона стекла на кухне, Влад с Лялькой переглянулись и сорвались с мест. В дверном проёме они замерли, не веря своим глазам.

Впрочем, чужим бы тоже не поверили.

Ловушки – на полу, столе и полке – были разбиты. На крышке сахарницы, попирая укатившуюся монету, сидела их старая знакомая с отметиной на лбу и жадно грызла печенье. Видно, возвращение из мусорного контейнера далось ей нелегко. Мята, запах которой якобы не переносили мыши, ничуть ей не мешала. Более того – съев печенюшку, мышь, как заправский гурман, закусила подвядшим листиком.

– Да я т-тебя! – Лялька вдруг схватила сковороду и запустила в нахалку.

Нахалка с торчащей из пасти мятой подпрыгнула и нырнула за шкаф. Сахарница, рассыпая белый песок, загалопировала по кухне.

Влад остолбенел. Его нежное и трепетное сокровище до сего дня не превращало квартиру в поле боя.

Когда разгневанная муза примерилась к банке варенья, Влад вышел из ступора.

– Тише, солнышко, тише...

Лялька сопела и вырывалась, но Влад крепко держал её.

– Ну я так не могу, котечка! – едва не расплакалась она. – Не могу, понимаешь? Я, значит, сало в ловушку! А она, значит, сидит и смотрит?

Словно порывом ветра, из кабинета донесло женский голос:

– *На подоконнике сидит мышь. Она смотрит в облака...*¹

– Едрить твою... – Влад, разжав хватку, кинулся на звуки.

– Котечка, не бросай меня! – застучали следом Лялькины набойки.

У раскрытого ноутбука Влад будто врос в пол. Растерявшая боевой пыл муза выглянула из-за его плеча и ахнула.

Глава, над которой Влад корпел с утра, изменялась. Ставшие россыпью букв и знаков абзацы превращались в пиксельную мышь. Ловя свой хвост, она гипнотически кружила по экрану.

А из динамиков уже несло:

– *Кошки-мышки, ты моя любимая книжка!*

Мышки-кошки, тебя я готова читать без обложки!

*Кошки-мыш-ш-ш...*²

Лялька метнулась к столу и захлопнула ноут. Песня оборвалась на полуслове.

– Котечка! – Девушку била крупная дрожь. – Вот это всё... Это что сейчас было?

Влад разглядывал ноут и молчал.

– Фигня какая-то! – наконец ответил он – то ли любимой, то ли самому себе.

Лялька, опасливо косясь по сторонам, забралась в кресло с ногами и зашарила по карманам в поисках жвачки.

– Может, вирус? – предположила она.

– Да я по негу почти не сёрфил, – отозвался Влад. – И потом... как? Ну, почему про мышей? Совпадение? Или это мышинные шутки?

От предположения, что всему виной мышь с отметиной на лбу, несло безумием. Однако бывают ситуации, по сравнению с которыми безумие – уютная и спокойная гавань.

Лялька не отвечала. Замерев, она высматривала что-то в углу комнаты.

– Слышишь? – тихо спросила она. – Ты это слышишь, котечка? Я... я боюсь!

¹ Boonikum. «Мышь».

² Куба и БиС. «Кошки-мышки».

Влад хотел рассмеяться, но не смог. Дрожащий девичий голос эхом отозвался во всём теле, вздыбил волосы на затылке. И на миг сердце заглохнуло.

Отовсюду нёсся шорох.

Мышь? О, мышь – одна-единственная! – не могла скрестись по всей квартире, от пола до потолка. Это... это походило на полтергейст. Неупокоенная сущность спускалась по Мышиной тропке, чтобы уничтожить Владимира Любимцева. Остановить его, если не остановится сам. Чем-то он встал ей поперёк дороги. Он и его книги...

Вот! Даже под афишу забралась!

Влад со всей дури запустил в «Тысячу и одно проклятие» кружку с испорченным кофе. Лялька вскрикнула и зажала рот ладошкой. Кружка разбилась на три части.

– Будь ты неладна! – глядя на белёсые потёки, сказал Влад в пустоту.

Пустота зашлась тихим писком, потешаясь над человечешкой. Ничего он толком сделать не может – даже книгу написать. Да что книга! С мышью – и то не справился!

– А вдруг это всё... – Лялька оглядела комнату так, словно видела впервые. – Галлюцинация? А, котечка?

Скептически хмыкнув, котечка раскрыл ноутбук.

– *Хвост за хвост, глаз за глаз!* – Звук ударил по ушам. — *Всё равно ты не уйдёшь от нас!*..³

– Ну-ну! – хмыкнул Влад, прерывая песню. – Не подходит. Мы бы, Ляль, разное видели-слышали... А книги съеденные? Тоже глюк? А...

– Что?

– Так, ерунда! – отмахнулся он.

В самом деле, как мышь соотносится с вдохновением?

Лялька опустила ногу на пол, но, подумав, осталась в кресле.

– И что же теперь? – жалобно спросила она.

– Теперь? – доев надкушенное печенье, Влад пошёл за курткой. – Есть у меня пара мыслейшек...

* * *

Рюкзак, набитый достижениями дератизации – механическими, отравляющими, ультразвуковыми – оттягивал Владу плечи. В ладонь врезались ручки солидного пакета из кулинарии «Кампари». Пусть Лялька вздрагивает от каждого шороха не на кухне, а в его объятиях.

Физическая нагрузка и беготня по двум феодосийским рынкам взбудрили писателя. Он жив и просто так не сдастся. Не дождётся, тварь серозадая!

– А мыши волнуются... мыши готовы... молиться, топиться и просто кричать... – мурлыкал он. – Ведь нет майонеза в сельпо и в столовой... но рвутся юннаты мышей выручать...⁴

Возле квартиры он замер и прислушался. Внутри было тихо. Ни дурацких песенок, ни – что особенно радовало – Лялькиного визга.

Влад позвонил. Подождал и позвонил снова. Затем повернул ключ в скважине и толкнул дверь бедром. Свет с лестницы распорол темноту прихожей. Изуродованная рюкзаком горбатая тень поползла через порог.

– Ляль? Ты что в темноте сидишь? – крикнул он, сгружая ношу на пол и скидывая куртку. – Танцуй! На нашей улице грузовик с мышеловками перевернулся!

Едва он умолк, кабинет слабо осветился. Там включился ноутбук.

³ Песня мышей из м/ф «Кот Леопольд».

⁴ Д. Ёлкин, А. Пулит. «Песня про мышей и майонез».

– *Наплевать на мышеловки и на прочие уловки! Мы берём без подготовки в одночасье дом любой...*⁵

Квартира подхватила песню, рассыпала эхом. Будто впереди лежал склеп... или лабиринт Минотавра.

Так. Безумие продолжается.

Поёжившись, Влад ударил ладонью по выключателю. В прихожей загорелась лампа.

Дверь в кухню была закрыта. В комнате, на границе света и тени, белела разбитая посуда.

– *Мы серенькие крошки, зато умнее кошки. Весь дом большой по крошке растащим втихомолочку по норочкам своим...*

Стянув ботинок, Влад так и застыл, держа его в руке. Вслед за посудой в поле зрения попало рассыпанное печенье... затем – перевёрнутый стул... надорванная штора...

И тело, к которому вели багровые капли.

– Лялька!

Уронив ботинок, Влад под бодрую мелодию кинулся вперёд. Поскользнулся на бусинах порванной шторы и бухнулся коленями в собравшуюся под телом лужицу.

На поверку «тело» оказалось скомканной одеждой. А лужица, так похожая на кровь – малиновым вареньем. Машинально вытерев ладонь о брюки, Влад заметил приставшую к пальцам прядь золотых волос. Прядь была вырвана с корнем.

Влада зазнобило. Он выключил ноутбук, отсоединил его от розетки и несколько ударов сердца постоял в тишине, разглядывая опрокинутый туалетный столик и пузырьки лака для ногтей.

– Ляль! – наконец прохрипел он, зная, что златокудрая муза не ответит – пустота в квартире удавкой сдавила шею.

Куда в подобных случаях звонят первым делом? Мамочке за советом? В полицию? Экзорцисту? Психиатру?

На кухне что-то с лязгом упало и покатилося.

Влад нашарил зонт, взял его наперевес и пинком распахнул дверь кухни.

От удара сумрак зашевелился, вспыхнул зелёными огоньками. Одни фосфоресцировали на полу, другие под потолком, третьи где-то посередке...

Зайдясь потусторонним мявом, с кухонного шкафа на Влада свалился обезумевший комок шерсти и припустил в открытую дверь. Будто направленные катапультий, следом вылетели ещё три котяры. Где-то на нижних этажах взвизгнули нехстати подвернувшиеся жильцы.

Влад попятился, хрустя битой посудой, зажгёт свет. Огляделся и нервно сглотнул.

Отбежал, называется, на пару часиков. Купить кило мышеловок, ага.

Вероятно, Лялька только-только вынула из духовки печенье, когда случилось... Что? Что перевернуло стол и сломало стул? Что залило плиту супом? Что разбило о пол и стены банки с вареньями и маринадами? И откуда, чёрти бы их драли, взялись коты?

Не давая сосредоточиться на ответах, проснулся мобильный. Влад вздрогнул и, не выпуская зонт – мало ли какие тут ещё сюрпризы? – полез в карман.

– Владя? – словно из другого измерения, донёсся Лялькин голос. – Котечка, ты меня слышишь?

– Солнышко, ты?!

Безмерное облегчение затопило Влада. Он прислонился к холодильнику, закрыл глаза и сполз в остатки маринадов.

– Алё! – заволновалась трубка. – Котечка, что с тобой?

– Ляль, да хрен со мной. Ты сама как? Ты цела? Здесь же будто Мамай прошёл!..

– А-а-а... – протянула трубка. – Ты... ты уже дома, да?

⁵ П. Шлыгин, А. Подъяпольская. «Песня мышей».

Влад – фантазия без тормозов! – уже вообразивший тридцать три несчастья, начал успокаиваться. Виноватый Лялькин голос вселял надежду, что разгром вызван какой-то ерундой. Быть может, в квартиру влез вор. Или Ляльку взяли в заложники террористы. Или «Гиппокрена» нагрязнула за рукописью...

Всё, что угодно. Только... только бы не...

– Если это можно назвать домом, то да. Я там. То есть, тут. Что стряслось, Ляль?

– Как – что? Она на меня кинулась!

– Кто – она? – переспросил Влад, иррационально надеясь на другой ответ.

На какой угодно, только...

И понял, что другого ответа не будет. Ни сейчас, ни потом.

Отливающая серебром мышь возникла на столе, будто из ниоткуда. И, подрагивая усами, уставилась на Влада сверху вниз. Он вдруг подумал, что отметина на сером лбу похожа на молнию. Молнию, которая сверкнула за окном, едва ему приспичило размечтаться о музе...

– Кто-кто... мышь! – нёсся из трубки голос Ляльки. – И я... я...

Голос девушки, наново переживающей кошмар, пресёкся от волнения.

– И ты схватила стул, – Влад, не сводя с мыши глаз, переложил телефон в левую руку.

– Может, и схватила... – Трубка донесла судорожный всхлип. – Я не помню! Кажется, я в неё чем-то кидала. Только мимо да мимо. А потом к соседке побежала. К той, снизу. За котиками. Притащила, а она на меня как зыркнет! И мне... Мне страшно стало. Так страшно, как ни разу не было. И тогда я... я убежала... Только в салоне и опомнилась, котечка.

Мышь встала на задние лапы, принялась, сцапала печенье и начала трапезничать, то и дело поглядывая на хозяина квартиры. Или – уже на квартиранта?

– Грильяж – в багаж, нас ждёт вояж... – пошутил Влад, стискивая зонт и поднимаясь – медленно, чтобы не спугнуть серохвостую.

В пятку впился осколок стекла, но Влад даже не поморщился.

– Да-да! Уж лучше вояж, чем сыграть в саквояж... А котиков отдать надо!

– Отдадим! – пообещал Влад. – Как найдём, так сразу и отдадим.

– Что значит – как найдём? А где они?

– Они, Ляль, разбежались.

– А мышь? Мышь поймали?

Словно зная, о ком разговор, меченая бестия застыла с крошкой шоколада в лапах. Кончик хвоста нетерпеливо подрагивал.

– Нет, Ляль, не поймали. Кишка у них тонка, – сказал Влад и готов был поклясться, что мышь довольно зажмурилась.

– Так что? Мне домой ехать или как? – занервничала Лялька. – Я не вернусь, если эта зараза ещё там!

Уверенная в своей неуязвимости, зараза вновь принялась за печенье. Влад замахнулся зонтом, вложил всю злость в удар, который расплющит пепельное тельце...

Мышь глумливо запищала с другого конца стола.

Влад растерянно глянул на зонт. Нет, он не мог промахнуться. Он попал! От мыши должно остаться мокрое место! От печенья ведь осталось!

– Да что ж ты за тварь такая?.. – потрясённо прошептал он.

Тварь встретила его взгляд, и Влад понял, что шутки кончились. Мышеловки... два десятка мышеловок до сих пор лежали в прихожей. Сколько времени он потратил на пустую болтовню! Немедленно, немедленно достать их и...

– Котечка! – волновалась далёкая Лялька. – Что там за звуки? Так ехать мне домой или нет?

Из последних сил Влад вогнал в пятку осколок стекла. Пронзительная боль спугнула морок... но ненадолго.

Руки Влада свело судорогой. Он покончит с серозадой тварью. Или сдохнет, пытаясь.

Убить мышь теперь казалось важнее всего. Важнее брошенных в прихожей покупок. Важнее далёкого Лялькиного голоса. И даже важнее чуда, которое томилось в белой бездне, ожидая, пока Владимир Любимцев поможет ему появиться на свет...

В кабинете ожил выключённый ноут:

– *Когда на город спускается тишь, ко мне приходит женщина-мышь...*⁶

– Тебя подружки на ночь-другую приютят? – просипел Влад.

– А что? – насторожилась Лялька.

– Не... не приезжай... – через силу выдавил он. – Я... сам... позвоню...

– Котечка! – неслось из телефона. – Что там у тебя такое?

Влад уже не слышал.

Насланное серохвостой тварью безумие буднично вошло в его жизнь – жизнь начинающего мышелова.

⁶ О. Ломовой. «Женщина-мышь».

Ракурс третий

*Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось.
«Курочка Ряба», русская народная сказка*

– Девяносто девять капканов стояло на столе... Если один из них упадёт, останется девяносто восемь капканов... – бормотал мышелов третьей категории, сгребая ловушки с подоконника в мусорный пакет. – Девяносто восемь капканов стояло на столе...

Мышеловки занимали все горизонтальные поверхности. На кухне – пол, стол, шкафчик, уютный угол за холодильником. В коридоре – вешалку, чулан, полки. В комнате – ну, тут вообще простор для фантазии.

И всё напрасно! Меченая тварь будто просачивалась сквозь ловушки, походя до крошки подчищая приманку. Особенно ей нравилось шоколадное печенье, приправленное дифенакумом.

– Гадские ловушки... Ловушки-лохушки... – разозлившись, мышелов пнул набитый до отказа пакет.

Элементарно же! В хорошем магазине – хороший товар. В хорошие ловушки попадают мыши. А если мышь сожрала приманку и ушла восвояси довольная и невредимая – ловушка ни к чёрту. Если отравы не убивает мышь, отравы тоже ни к чёрту. Разве нет?

Вот, опять под плакатом шебаршит!

Рванув плакат с какими-то «проклятиями» – откуда он взялся, своих бед мало, чтобы о чужих думать? – мышелов обнажил обгрызенные обои.

Скомканная бумага улетела в угол – туда, где почти месяц накапливались результаты мышинных диверсий. Иногда мышелову казалось, что раньше в квартире был кто-то ещё. Вроде, женщина. Молодая, ясноглазая и светловолосая. Переливчатое золото локонов он помнил ярче всего. Но она ушла, не вынеся наглости серохвостой твари. Может, к лучшему. Как ясноглазой жить в таком свинарнике? Неустанно сражаясь с мышью, некогда блюсти чистоту. Разве что Геракла на очередной подвиг подбить. Он бы справился. Хотя куда ему, изнеженному Авгиевым курортом...

Пыль попала в нос, и мышелов чихнул. Под слоем трухи вырисовалась россыпь «Love is...». Жвачка тут же пополнила кучу мусора. Почему клубнично-банановая пакость его раздражала – не вспомнить. Но что раздражала – к оракулу не ходи.

Под жвачками лежала книга, некогда толстая – не иначе, роман! – но сейчас объеденная, точно ломоть сыра. Автоматически открыв её, мышелов пробежал глазами текст. Облизал губы и сел на пол, среди отравы и капканов.

Книга – точнее, уцелевшие от хвостатой чумы фрагменты – ему понравилась. С каждой строчкой вспыхивало узнавание. Словно когда-то он зачитал роман до дыр, но потом забыл прочитанное.

«И кто у нас автор?» – заинтересованный, он перевернул находку.

Автор на объединённом фото казался знакомым. Где-то они встречались, стопудово! На форуме домашних питомцев? В магазине с мега-ловушками? В коридорах санэпидемстанции? Или на барахолке, где мышелов из-под полы купил у неведомого хмыря «чудодейственную» отраву?

Нет. Вряд ли мужик, который так пишет, возьмётся торговать капканами и родентицидами. Разве что дератизация для него важнее творчества.

Если бы мышелов так писал, то не занимался бы ни чем другим.

Конечно, если бы мог. Если бы...

В мертвящей тишине мышелов задумчиво вертел в руке ловушку.

Квартира наблюдала за ним парой любопытных глаз-бусинок.

Звонок мобильного прозвучал подобно выстрелу. Мышелов дёрнулся, и пружина ловушки защемила ему палец.

– Ах ты кур-р-рва! – рыкнул он в телефон, отшвыривая ловушку. – Ну?!?

– Полагаю, вы ждали кого-то другого, – сказал смутно знакомый женский голос. – Извините. Это всего лишь я.

– Кто – я? – помедлив, спросил мышелов.

Он не помнил голос той, с золотыми кудрями, но был уверен, что звонит не она.

– Если вам неудобно говорить, я перезвоню позже. Только назначьте...

Мышелов провёл рукой по лбу. Затем огляделся и, прикрыв ладонью микрофон, зашептал:

– Нет-нет, мне удобно. Мне никогда не было так удобно, как сейчас. Понимаете, она спряталась. И не показывается... – и забормотал, отбивая ритм на колене: – Сереньким живётся без хлопот, нам с тобой не страшен серый кот⁷...

Трубка помолчала, потом откашлялась.

– Я, собственно, почему звоню... Ещё неделю назад вы должны были прислать законченный текст.

– Какой текст? – спросил мышелов. – Вы вообще кто? Что вам от меня нужно? А?... Или вас она подслала? Я угадал? Да? Да?!?

Оборвав разговор, мышелов от внезапной дурноты прислонился к стене. Его словно выворачивало наизнанку. Ещё немного и он, как оборотень из древних сказок, вернёт себе настоящий облик.

Только какой облик для него настоящий?

Взяв книгу, он пошёл в прихожую. Последнее время он редко включал там свет.

Иллюзорно раздвинутое зеркалом поле боя пугало. Ещё больше пугало собственное отражение. Казалось, оно принадлежит опасному незнакомцу.

– Нам с тобой не страшен серый кот... – напел мышелов, успокаивая себя. – А кто не будет серым, незаметным, он того и заберёт...

Собравшись с духом, он щёлкнул выключателем и глянул в зеркало. Поскрёб отросшую щетину. С колотящимся сердцем повернул книгу суперобложкой и поднял на уровень лица. Перевёл взгляд с одного отражения на другое.

Руки его задрожали.

⁷ Р. Чебыкин. «Мыши».

ПРИБЛИЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ МНЕМА – ПАМЯТЬ

...Не надо говорить, что в юности трава зеленее, нектар слаще и Пегас быстрее. А как старость на порог, то трава пожухла, от нектара изжога, и перья Пегаса на «Паркеры» растащили.

Слышать такое не могу.

Какая старость – в наши-то годы?

Только время не дремлет. Что ни век – то новшество, что ни год – то каверза.

Прежде и слова такого не было – литература. Слова не было, а творения сыпались, как из рога изобилия... или ящিকা Пандоры. Эпос, лирика, драма...

Но чем дальше, тем хуже. Смертные решили, что драма драме, а эпос эпосу рознь. И лирика чахнет в тесных рамках. Придумали высокие жанры – оду, трагедию, эпопею. И, для контраста – низкие. Комедию, сатиру, басню...

С годами эти рамки всё сильнее душили творчество. Эрато с её любовным романом больше других повезло. Ведь чем строже нравы, тем жаднее люди до любовных утех.

Но потом та-а-а-кое началось! Смертные верны своему непостоянству. Придумали новые жанры, а старые изменили – хоть плачь.

Ладно, перепели древние сказания на новый лад – вышло фэнтези. А истории, когда герой уподоблен Гераклу? Как их?.. Вспомнила, приключенческий роман! Или путешествия по Аиду... Мистика, вроде? Или когда Эринии по следу идут... Боевик?.. Нет, кажется, детектив. А вот космоопера – откуда взялась? С чем её едят?..

Мало того! Вся эта новизна тоже поросль пустыля. В одной фантастике, не к ночи будет помянута, столько нагородили, что поседеешь до срока.

Так встретишь подающего надежды творца, и еле разберёшь, что у него на уме – киберпанк или ода. Полигимнию на помощь позовёшь, а творец уже в комедию ударился. А чтобы не скучать, историей припечатал и любовной линией освежил. Талия, Эрато и Клио подопечных оставляют, заглянут, и усомнятся – действительно ли это талант? Его ведь не вдохновлять, а лечить надо, залягай его Пегас!

Так на избранника и махнёшь рукой...

Ракурс первый

Берегись музы, вдохновение приносящей!
Писательская мудрость

Сумки с мышеловками, как и пакеты с накопившимся мусором, жались к входной двери. Ловушки следовало разломать и сжечь – хотя бы выкинуть! – но Владимир Любимцев, бывший материалист, не решался покинуть квартиру до завершения ритуала.

Ритуала?

А как, скажите на милость, это назвать?

Повсюду громоздились сухари, колбаса, сало и прочие вкусности, которые нашлись в квартире. Всё, что любит мышь.

– Ну, ты! – взмолился Влад. – Ешь! Всё ешь! Только верни мне талант!

Он сдвинул виски пальцами. Вдруг то, что он считал талантом, лишь случайность? Совпадение не зависящих друг от друга мелочей? И, совпав один раз, они больше не повторятся?

– Ладно, пусть не талант. Верни, как было. Слышишь? – Он запустил в стену тарелку с остатками печенья.

Мышь соткалась из сгустившегося воздуха, пробежала по ноге Влада, балансируя хвостом. Села на обтянутом джинсой колене и принялась.

Бывший мышелов заставил себя не шевелиться.

Тень длиннохвостой музы перекинулась на стену, выросла до потолка. Затем дрогнула усами и потёрла морду лапами. Со стороны это могло выглядеть потешно. Только Владу было не до смеха.

– Слышишь? – прохрипел он. – Хоть всё здесь сожри! Только верни!..

Тень вывела замысловатый вензель кончиком хвоста – словно подписав договор – и сиганула в ближайшую тарелку. Опасаясь, что человек передумает, мышь торопилась прикончить угощение... заодно прихватывая всё, что годилось на зубок.

Влад не замечал уничтожения квартиры. За вдохновение он готов был отдать всё, что угодно.

Дрожащей рукой он включил ноут. И, забыв о времени, начал заново учиться писать, как учатся ходить – спотыкаясь, останавливаясь, переводя дух. Лёгкое касание призрачных лапок сменилось объятиями невидимых рук.

Горячее дыхание обжигало щёку. Будто из ниоткуда, в голове возникали слова.

И текст, предложение за предложением, проступал на экране.

Телефон, будто ревнуя к творчеству, взорвал тишину. Страница, которую Влад вытягивал из небытия, плеснула хвостом и ушла в нейтральные воды.

Влад вытаращился на возмутителя спокойствия.

Новый мир был прост. Ублажай музу и получай вдохновение. Всё остальное – досадная помеха.

Осторожно взяв мобильный двумя пальцами – как в детстве пойманного краба – Влад нажал кнопку.

– Котечка! – хлынул в ухо позабытый Лялькин голос. – Котечка, ну сколько можно не подходить к телефону! Я же волнуюсь!

– Не волнуйся, – ответил Влад. – С телефоном полный порядок.

– Конечно, порядок! Я тебе на него денег положила!

Денег? Влад едва не спросил, что это такое и зачем их класть на телефон. Денежное обращение не вписывалось в картину нового мира. Талант за деньги не купишь. И серое чудо за деньги не работает.

– Ну, положила, хорошо. Ты мне звонишь, чтобы это сказать?

– Котечка! – от возмущения у Ляльки даже голос сел. – Ну как ты так можешь! Я же за тебя волнуюсь!

Влад скользил взглядом по тексту.

– А ты не волнуйся, – повторил он, разбивая крупный фрагмент на абзацы. – Нам с музыкой очень хорошо живётся.

Трубка донесла судорожный вздох с той стороны.

– С... кем?

– С музыкой. С той, от которой ты сбежала.

– Владя! Это мышь. МЫШЬ!

– Вот взрослый же человек! – развеселился Влад. – А в слове из четырёх букв три ошибки сделала. МУЗА! Муза, понимаешь?

– Да называй её как хочешь! Хоть музыкой, хоть гурией! – взвилась потусторонняя Лялька. – Только сути это не меняет. Подлой мышью сути!

– Я не настолько безнадёжен, чтобы мышь гурией называть!

– Но музыкой-то называешь!

– У муз и гурий, милая, разное назначение.

– Только и те и другие не соотносятся с мышами. Это у них общее!

– Не скажи, не скажи! – расширивший кругозор обладатель музыки сходу открыл нужную закладку. – Вот послушай... Так, это не то... В Греции распространился культ Аполлона Сминфейского, символом и священным животным которого была мышь... Тоже не то... – Влад прокрутил страницу. – Вот! Ряд представлений о мышах в греческой мифологии сходен с представлениями о музах. Родителями мышей являются небо и мать-земля, или громовержец и его супруга... А кто, скажи на милость, у нас родители муз? Опять же, Зевс и Мнемосина. Или, если брать седую древность, Уран, олицетворение неба и Гея, то есть земля. Ничего не напоминает?..

Лялька начала что-то говорить, но Влад не слушал.

– Идём, милая, дальше. Место рождения или обитания мышей и муз одно и то же. Гора, Ляль. Отсюда, кстати, и пословица «Гора родила мышь». В моём случае – наша Лысая гора, к оракулу не ходи. Предводителем мышей считается мышиный царь... или Аполлон Сминфейский. А предводитель муз кто? Угадай с одного раза. Ну, ты ведь у меня умница!.. Тоже Аполлон! Так что музы могут принять любую удобную им форму. Хоть человека, хоть кого... Эй, ты ещё тут? Ляль, ты меня слышишь?

Влад зачем-то постучал телефоном по столу.

– Котечка... – наконец прошептала Лялька. – Ты... У тебя, правда, всё хорошо?

– Солнышко, у меня всё замечательно! Я роман пишу!

– И мышь, значит, ловить не хочешь...

– Ляль, ну ты в своём уме? – возмутился Влад. – Ты слышишь, что я говорю? Я снова пишу! Зачем же мне от музыки избавляться?

– Слышу я! – огрызнулась Лялька. – Всё слышу! Выходит, какая-то дурацкая мышь тебе важнее, чем я? Да, котечка?

Этот простой вопрос застал котечку врасплох. Он умолк, собираясь с мыслями.

– Ну-у-у? – напомнила о себе трубка. – Так да или нет?

Вот пристала! Как всегда, в самый неподходящий момент.

– Да, муза тебя заберёт! – в сердцах бросил Влад.

Трубка онемела.

Наконец! Хоть немного покоя!

Радуюсь, что больше никто не отвлекает, писатель бросился за ускользнувшей в белую бездну страницей.

Ракурс второй

Поэт, музайся!

С. Федин

Отбив три пробела, Влад напечатал «Конец», поставил дату и откинулся на спинку кресла.

Книга была закончена в рекордные сроки. Будто писалась десятком пашущих за кормёжку литературных негров. В общем, рано его в тираж списывать. Лучше – ха-ха! – печатать дополнительными тиражами.

Кстати, о кормёжке...

М-м-м... муза съела всё, имевшее хоть какую-то питательную ценность. Что дальше? Если не предложить ничего взамен, плакало его вдохновение!

Но можно купить всё необходимое! И Лялька что-то говорила про деньги...

Взяв мобильный, Влад набрал номер зазнобы. Несмотря на Лялькины выбрыки при последнем разговоре, он верил, что без денег она его не оставит – раз не торопится возвращаться. На худой конец, продаст свою долю в салоне красоты. Она ведь любит своего котечку и всё такое...

Лялькин телефон долго не отвечал. Слишком долго.

– Слушаю! – наконец пролаяла трубка.

Голос был незнакомый. Более того, мужской. Да ещё запыхавшийся.

– Ты ещё что за хрен с горы? – удивился Влад. – Мне Лялька нужна.

– Ошибочка! – ответил голос. – Нету тут никаких лялек.

Влад уставился на замолчавший аппарат. Как это – ошибочка? Как это – нет? Всегда была, а теперь куда делась? А-а-а, наверняка красоту наводит! Или в кафе с подружками заваялась...

Он повторил вызов.

– Положи чужой мобильник! Ляльку позови и положи! Мне Лялька нужна!

– Пойди и купи, раз нужна! – фыркнула трубка.

Влад скрипнул зубами. Какой он дурак! Поверил, что златокудрая красотка испугалась мыши! Мышь – предлог, чтобы оставить его и сбежать к любовнику!

Снова набрав номер, Влад пустился с места в карьер:

– Я понял! Она к тебе ушла! От меня, между прочим! И это теперь твоя головная боль! Я из-за этой дурынды жизнь портить не собираюсь. Просто дай ей трубку. Пусть узнает, что потеряла! А потом катится к чёртовой матери!

– Слышь, ты, головная боль! – Незнакомца забавляла ситуация. – Я русским по белому говорю – ты номером ошибся! Но-ме-ром!

– Как я ошибусь, если сам ей этот номер брал? Ты давай, зови её, а не то... не то...

– Да в печёнках у меня и ты, и баба твоя! Если она от тебя сбежала, флаг ей в руки! От тебя не то что люди, мыши разбегутся!

– Что? Что ты сказал? Мыши? Почему это разбегутся? Поче...

Сколько Влад не повторял вызов, ответа не было.

Тихо ругаясь, он пробежался по телефонной книге, выискивая, с кем поговорить. Не может быть, чтобы эта зараза, подложив ему свинью, никого не известила!

Так... Этому звонить не стоит. Этой – тем более. С этим он разругался. А эта злорадствовать начнёт... Позвонить родичам Ляльки на другой конец страны? Да щас! Они каркали, что не будет их солнышку счастья с этим писакой...

Несколько наугад выбранных номеров не отвечали. Сговорились! Точно, сговорились! Это Лялька их подбила, стерва подколотная!

Список контактов – весьма и весьма скудный – кончился.

– Ну и слава музы! – сказал Влад и позвонил Хатире Керимовне. Уж кто-кто, а она обязана оценить его успех.

«Извините, номер не существует или набран неправильно».

Влад вытаращился на телефон, словно тот ему подмигнул.

Неужели Лялька подговорила и редакторшу? Немыслимо! Как же надо его ненавидеть и желать ему зла?

Зато теперь он ни к кому не привязан. Идеальная обстановка для работы. Не об этом ли он всегда мечтал?

Муза сама его нашла. Найдётся и новый редактор. Все литературные премии – его. Литагенты у его дверей устроят дежурства, потеснив экзальтированных фанатов. Издательства будут плести интриги, только чтобы заполучить его, Владимира Любимцева...

В дверь квартиры заколотили.

Будущий лауреат всех литературных премий нехотя покинул мир грёз, на цыпочках прокрался в прихожую, замер возле мусорных пакетов и прислушался.

На лестничной площадке бушевали соседи.

– ...никуда не уезжал! Я не видел! – бубнил мужик из квартиры напротив.

– Тогда почему? Почему там тихо? – допытывалась соседка снизу. – И чем это пахнет?

Ноздри Влада раздулись. Запах, как запах.

– Я лишь хочу знать, что его подруга, эта лахудра крашенная, с моими котиками сделала! Они в руки до сих пор не даются! – надрывалась соседка.

– Муза бы вас побрала с вашими котиками! – зашипел Влад.

Снаружи воцарилась тишина. Законопатила дверной проём и замочную скважину, затопила лестничные пролёты. Влад не сомневался, что муза исполнила свою часть договора. Но, чтобы в этом убедиться, он приткнулся к дверному глазку.

Лестничная площадка опустела.

Хихикая, Влад поспешил к ждущему ноуту, уже забыв обо всём по ту сторону квартиры. Разве могло там быть что-то достойное внимания?

Голубым глянцем привлёк невесть откуда выкатившийся кубик «Love is...». Влад поднял его, повертел в руках и зачем-то спрятал в карман. Кубик напомнил ему... О чём?

А, неважно!

Ракурс третий

А в комнате опального поэта дежурят страх и Муза в свой черёд.
А. Ахматова

– Ерунда какая-то! – растерянно сказала Лялька спутникам. – Ключ повернулся, а дверь не открыть! Будто изнутри подпёрли!

Руководство «Гиппокрены» обменялось всепонимающими взглядами.

– Паш, подналяжешь? – спросила Хатира Керимовна.

Павел Сиянский поправил дымчатые очки.

– Если подналечь, то без разницы, подпёрли или нет. Но замок придётся менять. И хорошо, если только один замок.

– И хорошо, если только в одной квартире... – согласилась «демонесса».

Лялька уважительно глянула на Павла. Кажется – пальцем ткни и пополам сложится. Куда ему с дверью тягаться!

Но если девушка что-то усваивала, то усваивала накрепко. Теперь она знала: попасть в сказку – далеко не сахар, а вещи и люди не такие, какими кажутся. И чтобы жить долго и счастливо, даже в сказке надо из кожи вон лезть. В общем, всё как в жизни.

– Уважаемая Елена, квартира всё-таки ваша, – напомнил Павел. – Вам и решать.

На долю секунды Лялька испугалась. Может, не стоило тревожить Владиных демонов? Может, стоило подождать, пока они сами не нагрянут по душу писателя? Пусть не по душу, а по роман... впрочем, между этими понятиями нет существенной разницы. Может, и стоило. Но не в полицию же на порождение Зевса жаловаться!

Если и было в этом безумном мире место, где Ляльке помогут разобраться с серохвостой музой, то этим местом была «Гиппокрена».

– Да что тут решать? – холодея от собственной дерзости, девушка залепила резинкой глазок соседней квартиры. – Ломайте, зачем время терять!

У глаз Павла собрались морщинки – улыбнулся, значит. Сняв очки, он укоряюще посмотрел на дверь. Виновато звякнув ключами, та приоткрылась... но тотчас захлопнулась, будто передумав.

– Удивительно! – негромко сказала Хатира Керимовна.

Лялька молча закивала.

Проиграв двери игру в гляделки, Павел поджал губы и коснулся ладонью замка. Металл засветился и потёк, застывая причудливыми зигзагами.

У Ляльки отвисла челюсть. К таким чудесам она не была готова.

Лишённая замка дверь угодливо приоткрылась, приглашая войти. Отстранив остолбеневшую хозяйку, директор «Гиппокрены» шагнул в темноту прихожей.

– Ты там аккуратнее, Паша! – предостерег его голос редактора.

Вновь надев очки, Павел оглянулся:

– К чему аккуратность, Хатира? Чувствуешь? Кажется, тут что-то издохло.

– Па-а-аша... – укоризненно протянула Хатира Керимовна.

– Я вам дам – сдохло! – зашлась возмущением оттёртая в сторону Лялька.

– А что, уважаемая? Скажете – расцвело?

Павел распахнул дверь настежь. Лялька охнула и зажала нос от вони, поползшей на лестничную площадку. Хатира Керимовна, не изменившись в лице, взглянула на спутницу – мол, что теперь скажете, уважаемая Елена?

Лялька запунцовела. Какой позор! Да ещё при посторонних людях!

«Ничего, – утешила она себя. – Не такие уж и посторонние. И не такие уж и люди...»

Павел щёлкнул пальцами.

Зловоние исчезло. Запахло – посреди зимы! – весной и медоносным разнотравьем.

– Владя! Владечка! – обретя возможность дышать, Лялька бросилась в квартиру.

Перепрыгнув через источник потрясающего амбре – плесневелые деликатесы из «Кампари» и пакеты с мусором – она остановилась и слепо повела рукой в поисках опоры. Невозмутимая Хатира Керимовна поддержала её за локоть.

– Да что... что же это такое? – сдерживая слёзы, простонала Лялька.

И, словно во сне, пошла вперёд, хрустя черепками, шурша бумагой и обрывками полиэтилена.

С каждым ударом сердца зрачки её темнели, а губы сжимались. Гнёздышко, которое она с любовью обустроивала, в котором ей с Владом так хорошо жилось, было разгромлено.

Прямо-таки выедено изнутри.

«Гиппокрена» снова переглянулась.

– В самом деле, занятно... – согласилась Хатира Керимовна.

Впечатлительная Лялька словно раздвоилась. Одной ей хотелось упасть на пол и по-детски разреваться. Другую её кровожадно тянуло взять в руки... хотя бы сковородку.

Она толкнула закрытую дверь кабинета. Дверь не поддавалась.

– Владя! Ты там? – всхлипнув, девушка прижала ухо к стеклянной вставке. – Ой, клавиши стучат! – воскликнула она и заколотила в дверь. – Котечка! Открой!

– Похоже, это снова по твоей части, – Хатира Керимовна коснулась плеча спутника.

Павел кивнул. Едва он приблизился к двери, как воздух потемнел и сгустился. Некогда уютное гнёздышко ошетинилось, готовя отпор. Налившаяся чернотой тень заслонила кабинет. Чужая бескомпромиссная воля приказывала бежать сломя голову, а не то...

Взвизгнув, Лялька отпрянула под защиту влиятельной гостьи. Не окажись её рядом, девушка припустила бы из квартиры, чтобы перевести дух на другом конце города. Как тогда, стоило Владе отлучиться за мышеловками.

По комнате разлился холод. С ознобом в сердце Ляльки просочился страх, что она никогда не подставит лицо солнцу, никогда не вдохнёт аромат цветов, никогда не увидит своего непутёвого избранника, никогда его не обнимет и не поцелует...

– Немедленно прекратите! – Хатира Керимовна обняла девушку за плечи. Объятие было неожиданно ласковым. – Ей только и надо, чтобы вы испугались и отступились. А ещё лучше – сбежали.

Блестящие не выплеснутыми слезами глаза уставились на гостью.

– К-кому – ей? – простучала зубами Лялька. – М-мышь?

– Вы, Леночка, главное, не волнуйтесь. Всё уладится. Паша у нас специалист по... таким вопросам.

Павел снял очки и вновь протянул их Ляльке. Его глаза вспыхнули, разрезая сумрак фарами встречной машины. Казалось, простому смертному не под силу вынести это сияние.

Судорожно вздохнув, девушка нацепила очки.

Хатира Керимовна с интересом озиралась, не замечая преображения спутника.

В тёплом свете обглоданная комната стала ещё неприглядней. Тень запищала, пятясь от обжигающего огня, скорчилась возле двери. И там, у всех на глазах, обернулась гигантской мышью... нет, какое там! Крысой размером с человека. Лоб крысы пересекала неровная белая полоса.

Онемев от ужаса, Лялька спряталась за спину Хатиры Керимовны.

– Только не надо маскарада! Здесь все свои! – предостерёг крысу директор «Гиппокрены».

Вздыбив загривок, тварь бросилась на незваных гостей. Сияние отшвырнуло её. Оглушённая, она замотала головой, и темнота поползла с неё хлопьями серого пепла. Словно стыдясь этого, крыса юркнула в кабинет. Лялька бросилась следом.

Крысы там не оказалось. Да и где бы она спряталась? Открывшуюся пустоту могло заполнить лишь воображение писателя. Тусклая люстра едва разгоняла сумрак. Сам писатель, исхудавший, в заскорузлой одежде, сидел возле заросшего паутиной окна. Пальцы Влада, как у пианиста, порхали по клавиатуре, извлекая слышимую только ему мелодию.

– Владечка... – сражённая видом любимого, Лялька начисто забыла о крысе. – Он... Он что, навсегда таким останется?

Хатира Керимовна пожала плечами.

– Он разве был другим? Мне казалось...

– Вам казалось? – Лялька дёрнулась, как от пощёчины. – И что же вам казалось? Вы ведь звонили ему! Не раз! И не два! Неужели по разговору было не понять, что с ним неладно?

– Он писатель, – ответил Павел и, видя недоумение девушки, снизошёл до объяснений. – Творческая натура. У таких часто что-то неладно. На каждый чих, знаете ли...

У Ляльки потемнело в глазах.

– Но он писал роман! Вам же, кроме романа, от него ничего не надо! Кто, как не вы, мог к нему музу подослать, а?!

Где-то на задворках сознания Лялька понимала, что нападки на «Гиппокрену» не обеспечат долгую и счастливую жизнь. Но ей стало всё равно. Если Влад повредился рассудком, зачем ей жить долго и счастливо?

– Я своим дочерям давно не указ, – мягко сказала назвавшаяся Хатирой Керимовной. – На то они и музы. Сами находят таланты, сами их лелеют. Я привечаю тех, кто своим упорством пробивается к источнику... К «Гиппокрене», образно говоря. Но к этому... случаю ни я, ни дочери отношения не имеем.

– А кто имеет? – дивясь своей наглости, спросила Лялька и скрестила руки на груди.

– Отцовская скука... или приступ великодушия, – пояснил тот, кто назвался Павлом Сиянским. – Услышал, как страждущий просит вдохновения... Взял да и выполнил желание.

– Сам Зевс? – не поверила Лялька. – Владино желание?

– Сам, – кивнула Мнемосина. – А кто ему запретит?

– А разве для этого... ну... вторая половина не нужна?

– Говорю же – скука! – Аполлон развёл руками. – И, начистоту... Создать музу с ограниченной специализацией – не Афину породить. Долго ли, умеючи.

Мать девяти муз нежно коснулась Лялькиного плеча.

– Музу, Леночка, привлекает талант. И чем он сильнее, тем больше вдохновения она дарит. Но ей... – Небожительница почему-то указала подбородком на Влада, – ещё многому предстоит научиться.

– Кому – ей? – тупо переспросила Лялька.

Пакостница-мышь в её сознании никак не ассоциировалась с музой.

И вдруг она увидела.

Вместо мерзкого грызуна из-за плеча Влада выглядывала тощенькая взъерошенная девчушка. Совсем ребёнок. Одеждой ей служила грива пепельно-серых волос, а украшением – белая, будто седая, неровная прядь в чёлке.

И не внушала больше девчушка ужаса. Ну вот ни капельки.

Влад не замечал её. Начни вокруг падать стены – в творческом угаре он бы даже не почесался.

Лялька, прикусив губу, сделала осторожный шаг. Больше всего на свете ей хотелось повиснуть на шее любимого, но нереальность происходящего завораживала.

– Вы посмотрите! – Аполлон указал на ноут. – Он же выключен!

– Он всего лишь хотел творить, – вздохнула Мнемосина. – И она дала ему эту возможность. Так, малышка?

Малышка сверкнула карими глазами. Но едва светоносный бог шагнул вперёд, сжалась и оскалила мелкие зубки.

Лялька медленно сняла очки и вернула их директору «Гиппокрены».

– Погодите... Позвольте мне...

Долго и внимательно разглядывала она ту, что испортила их с Владом жизнь. Ту, чьи невероятные фокусы едва не свели с ума. Ту, что выжила её из дома. Ту, что заставила Влада поверить в чудеса...

Вера в чудеса дорогого стоит, не так ли?

Приблизившись, девушка села возле юной музыки. Кроха принялась, облизнулась розовым язычком и теснее прижалась к подопечному.

– Хочешь молока? – спросила Лялька, борясь с желанием погладить белёсую прядь. – С шоколадным печеньем?

ПРИБЛИЖЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ КЕНИДА – НОВИЗНА

...Вот же привязались, а! Родственнички, называется!..

Что, Аполлон, вытаращился? Думаешь, только ты озон чуешь? Велика важность – заглянуть под личину Павла Сиянского! Как ты, Лучезарный, раньше звался? Пабло дель Соль? Пауль Зоннениайн? О тебе, Мнемосина, вообще молчу. Думала, за арабскими именами спрячешься? Тебя даже эта, голубоглазая, раскусила...

Кстати, где печенье? А молоко? Смертная мне обещала!

Нет печенья? Шоколадного или вообще? Вообще? Да вы что, издеваетесь?!?

Вот знала бы, что меня так встретят, то и не рождалась бы! Честное-пречестное слово!

Что? Кто меня спрашивал?

Да в том и дело, что никто! А могли бы спросить! Ну конечно, на Олимпе дел невпро-ворот. На мелюзгу, вроде меня, всем плевать. Писатель потребовал музыку? Потребовал. Свободных нет? Нет. Ну и всё. Взял Зевс трезубец, молнией в гору шандарахнул – и вот она я. Прошу любить и жаловать.

Но любить меня не спешат. И жалованья не допросишься...

Точно печенья нет? Точно-точно? А вы смотрели? Может, под стол закатилось? Если даже с отравой – давайте, я привыкшая. Нет?.. Ну пусть овсяное будет. Но, чур, с изюмом!

Что? Это я-то вам голову морочу?

Оставьте меня в покое, светозарные, а? Вам хорошо, сидите в своей «Гиппокрене», и в ус не дуете! А я пока воды из источника принесу, вдохновения уже и след простыл. Только Пегас ржёт и зубы скалит.

Слушайте, ну хоть сахарную печеньюшку дайте. Правда, она вязкая, как глина...

Земная еда музам не впрок? Её чем больше ешь, тем лютее голод? Да что вы говорите! Вот не догадалась бы!

Когда я на свет появилась, никто не спросил, хочу ли я кушать. Никто воды не под-нёс, не говоря уже о нектаре. Даже очухаться не дали. Пинком с горы – и вперёд, вдохновляя на доброе и вечное! Вот я, наивная, сломя голову и побежала. Раз смертная бросила своего писателя под Новый год, значит, не особо он ей нужен.

Да, я такая. Подбираю то, что другими брошено.

Неужели даже корки хлеба пожалеете, а? На кухне есть, я знаю. На верхней полке, под тарелкой с голубой каёмочкой. Там ещё сыр плесневеет. От сыра тоже не откажусь. При-стратила в мышинной-то форме...

Обойдусь? Ну-ну. Хочу посмотреть, как бы вы обоились...

Чем, говорите, я должна питаться? Наслаждением от сотворённого шедевра? В самом деле? Какая гадость эти ваши ножки дивана. Ну дайте печенья! После него можно и шедевром понаслаждаться.

Во что я жизнь писателя превратила? Я?!? Нет, вы себя слышите?

Смертные сами не знают, чего хотят. Вроде, так о музы мечтал – хоть в петлю. А едва его подруга крик подняла, тотчас книгу писать расхотел, а загорелся меня убить. Пришлось подыграть. Одержимость – она тоже сродни вдохновению.

А что, плохо вышло? Папочка вообще бы молнию швырнул, и – прощай, город, здрав-ствуй, пустыня.

Да не тащите меня, никуда я отсюда не пойду! Никуда, слышите!

Он мой творец! А я его муза!

Не нужны мне другие! Не хочу заново! У меня договор! С этим вот... Он меня кормит, а я его вдохновляю! Я нужна ему!

Что? Как – не нужна? Быть такого не может! Куда он без меня? Как он без вдохновения? Он же ни строчки... ни уха... ни рыла...

Пустите, дайте глянуть! Пустите, кусаться буду!..

Панорама

*Муза венчает славу, а слава – музу.
Латинская пословица*

Посреди комнаты, ставшей ещё мрачнее после ухода небожителей, в шелухе и огрызках, щека к щеке сидели Влад и Лялька. Изредка девушка, будто не веря, что вернула своё непутёвое счастье, ерошила его кудлатую голову.

По квартире гуляли сквозняки. Наверное, поэтому Владу чудилось, что он оказался посреди озера, подёрнутого хрупким льдом. Одно резкое движение... одно неверное слово...

– Как... как же ты справлялась, пока... пока я тут... – пробуя слова на вкус, зашептал он, не открывая глаз.

С момента, как исчезло наваждение, он испытал все нюансы презрения к самому себе.

Его до дрожи пугало то, что он мог увидеть. Если вокруг всё по-прежнему, значит, музамышь примерещилась, и пора лечиться. А если...

Тут мысль останавливалась, не в силах взять следующую высоту без разбега.

– Ой, котечка... – всхлипнула Лялька. – Что – я? Я за тебя переживала. А Маринка меня чаем отпаивала. Я у неё всё это время и жила...

– Маринка? Это у которой футболист завёлся? – уточнил Влад, переполненный нежностью к благодетельнице.

– Она самая! – Лялька потёрлась носом о его колючую щёку. – Они меня жалели. И Маринка, и этот её... И ни о чём не спрашивали.

Влад вдохнул аромат Лялькиных кудрей. Чудесно иметь друзей, которые отпаивают чаем, жалеют, и ни о чём не спрашивают. Друзей, для которых улыбка на заплаканной мордашке – уже награда.

– А если бы спросили? – продлевая блаженство, поинтересовался он.

– Так не стали же! – резонно возразила любимая. – Как бы я им объяснила... это всё? Они ведь нормальные!

В тоне Ляльки мелькнул снобизм. Не каждый водит знакомство с небожителями и остаётся цел и невредим. Ну, почти...

Девушка обняла любимого ещё крепче. Так крепко, что Влад охнул и, наконец, разлепил веки.

Комнату – огрызок за огрызком – он осматривал внимательно, не торопясь. Со вкусом. Будто запоминал на всю оставшуюся жизнь. Ноутбук он удостоил лишь мимолётного взгляда.

– Мы справимся, котечка! – выдохнула Лялька, уловив его настроение.

– А то! – согласился котечка. – Прежде справлялись, а теперь что? И без всяких там фокусов справлялись! – неожиданно повысил голос он.

По комнате, словно возмущаясь, прошелестел ветерок. Правильно, форточка открыта, чего бы не шелестеть?

– Значит, муза тебе больше не нужна? – уточнила Лялька.

– А зачем мне какая-то муза? – удивился Влад. – У меня есть ты.

– Я же дура, забыл? – Лялька не устояла от искушения поддеть любимого.

– Так и я дурак! – Он засмеялся – как человек, который достиг гармонии с собой и Вселенной. – А был бы генералом, ты была бы генеральшей.

Отстранившись, Влад зашарил по карманам. Пальцы нащупали чудом сохранившийся кубик «Love is...». Он достал расплывшуюся резинку, развернул и вынул квадратик вкладыша.

– Глянь, что там, – попросил он.

– А сам не можешь?

– Не могу. У меня руки заняты, – пожаловался он и обнял Ляльку.

Девушка хихикнула, расправила глянцевую бумажку. На вкладыше золотоволосая красотка, жмурясь от удовольствия, позировала художнику.

«Любовь – это твоё вдохновение», – пояснял курсив. А то бы никто не догадался!

– Откроешь? – Лялька кивнула на ноут. – Там что-то невероятное. Твои демоны сто раз напомнили, что ждут рукопись... И место у источника – твоё по праву.

Запылённый экран ноутбука поманил Влада. Так манит бездонная пропасть. Нестерпимо захотелось разбежаться, оттолкнуться от края и...

Влад опустил экран и, будто успокаивая норовистое животное, похлопал по ноуту ладонью.

– Столько ждали, ещё подождут! – Он притянул к себе Ляльку. – У нас уйма дел накопилась! Что ты там говорила о печенье?..

РАССКАЗЫ

ЗМЕЕВОРОТ

Паучья кладка была редкостью. И последней надеждой Хыг, охвостья из рода Золотых Гхыров. За кладку можно получить вдоволь воды и сочный кусок мяса.

Гхыры, которые раз в пять дней подносили диковины своей королеве, достигали невиданных высот. Некоторые охвостья – Хыг сглотнула – становились прихвостнями Её Королевского Великолепия, да не затупятся её когти. А от прихвостня до подкрылка, как шипели, хвостом подать...

Но ветер подхватил кладку. Подбросил раз, другой. Закружил, унёс. Хыг только и смогла, что проводить её взглядом. На большее сил не хватило.

Она приняла было позу отчаяния, но лапы подломились. Хыг ткнулась мордой в песок.

Какой позор! Вот-вот зайдёт солнце, а ей нечем угодить Её Великолепию, да будут острыми её клыки. Нечем пополнить сокровищницу, которая чем больше, тем славнее род Золотых Гхыров. Сокровищницу, которую зорко стережёт Её Великолепие, да не полиняет она раньше срока...

Этот день прожит зря. Как и четыре предыдущих.

А нового дня Хыг не видать. Ведь когда ничтожному гхыру нечего поднести Её Великолепию, да будут сытыми её дни, ничтожество подносит себя.

Замшелые гхыры ворчали, что прежде жили иначе. Мяса хватало, воды было – хоть залейся, и каждый был сам себе гхыр. Но с каждым кругом солнца песка становилось всё больше, мяса и воды всё меньше. А выживать – всё тяжелее.

От мыслей о мясе в брюхе Хыг заурчало. Чтобы не слышать этих звуков, она приняла позу задумчивости.

Быть едой не хотелось. Но чем порадовать королеву? Только чудо не отправит Хыг в желудок Её Великолепия, да не испортят костлявые гхыры её аппетит...

Вот если бы появилась новая королева! Тогда весь род слился бы в танце благодарения. Сама Хыг востанцевала бы правильность каждой королевской чешуйки, размах каждого крыла и остроту каждого клыка...

Хыг судорожно вздохнула, но вздох был так слаб, что почти не потревожил песок.

Откуда взяться новой королеве, если мяса мало, а воды ещё меньше? Давно уже не вырастали гхыры, способные бросить вызов Её Великолепию, да... да не застрянет у неё в зубах какое-нибудь несчастное охвостье...

Может, не ждать, пока она станет этим охвостом, а броситься со скалы? Или укрыться среди дюн? Золото чешуи сольётся с песком, и... вдруг Хыг не заметят?

Помогая хвостом, измученная и голодная Хыг вскарабкалась на ближний уступ. Увидела тёмный провал и заползла в него, ни о чём не думая.

Внутри оказалось влажно, и ноздри Хыг раздулись. Влага – великая ценность.

Если у Хыг появится собственный родник, может, она протянет ещё немного?

Приободрившись, Хыг двинулась вперёд. Терять ей всё равно нечего.

Через много шагов – она сбилась со счёта – петляющий провал развернулся огромной пещерой. Воды здесь не было, лишь пол щетинили блестящие, как зубы гхыра, наросты. Воздух между наростами серебрился, будто затканый паутиной. Только сколько Хыг ни всматривалась, никакой паутины не заметила.

Найти бы там что-нибудь достойное королевы! Другие гхыры ведь иногда находят... Чем она, Хыг, хуже? Пусть она и охвостье, но тоже из древнего рода!

Мерцание воздуха завораживало, словно взгляд королевы.

Собрав последние силы, Хыг окунулась в серебристую взвесь. Впереди забрезжил свет. Хыг поползла ему навстречу и... застыла в позе изумления.

Пещера вывела наружу, под небо такого странного цвета, какого ни один гхыр не видел. Что там было ещё, Хыг разглядеть не успела. Под странным небом заматалась фигурка на двух лапах, заверещала, будто ей отдавили хвост. А потом в нос Хыг врзался камень. От неожиданности Хыгдохнула дымом – сил для огня давно не осталось – и отпрянула в серебристую прохладу.

Быть того не может! Древние гхыры, каких уже не держали лапы – а одна из них едва не стала королевой! – шипели, что скалы иногда открывают проход в мир хамусов. И если гхыр увидит его, то это знак. Знак того, что скоро жизнь рода изменится. И особенно – жизнь гхыра, который увидел это диво.

Как любой гхыр, Хыг знала, что хамусы, называющие себя человеками, делились на краснодевы и добрецов... или добродеев?.. добромолов?.. Хыг не помнила наверняка. Как не помнили дряхлые гхыры, каждый раз именуя этих прямоходящих иначе. Добрецы охраняли своих избранниц, особенно от гхыров, которых звали змеями. А краснодевы откладывали яйца и высиживали потомство.

Хыг посмотрела туда, откуда прилетел камень. Но невозможное небо и верещащий хамус – неужели добрец? – исчезли. Точно привиделись. Чёрная пещера, скалясь сталагмитами, обступила охвостье из рода Золотых Гхыров. Серебристое свечение померкло.

Вот и весь знак. Стоит ли беспокоить королеву вестью о хамусе?

Поразмыслив, Хыг решила, что не стоит. Хамуса нет, зачем же беспокоить понапрасну?

Хыг тронула испугавший её камень кончиком хвоста. Не чудо ли – камень белого цвета? Её Великолепию, да будут обильными её кладки, такой дар придётся по нраву. Забыв о других подношениях, она будет любоваться им, и многогранность мира распахнётся перед ней...

* * *

– Брехун ты, Жбанчик. Как есть, брехун! – Две Подковы сунул под нос Жбанчику пудовый кулак.

– Это пошто? – буркнул Жбанчик.

Так буркнул, для порядка. Знал он, почему кузнец разворчался. И почему добрый молодец на него подбитым глазом всё чаще зыркает – тоже знал.

– Так нету твоего змея!

Добрый молодец перестал швырять камни в пещеру, обернулся.

– Ы-ы-ы?

Ишь, растревожился. Доброты в глазах – на острие копья. Мол, как это – нету змея?

Жбанчик хотел возразить, что змей не евоный. Но не стал. У кузнеца кулачищи – у-ух! Враз шутковать отохотит. И молодец не лыком шит. Даром что говорить – не говорит, мычит лишь, когда кто-то крылатого помянет.

И Жбанчик отмахнулся от молодца. Швыряй, мол, дальше. Авось выманишь паскудника.

Что-что, а с булыжниками молодец управлялся любо-дорого. Только соображал не шибко. Тех, кто шибче, в кулачном бою половины зубов не лишали.

А ежели по совести, так чейный змей, как не Жбанчика? Кто его допрежь всех углядел? Кто в него каменюкой запустил и стрекача дал? Ничего, кроме камней, не подвернулось. Но порешить змея непросто, всяк скажет. Каменюкой – так и вовсе.

– Так нешто я сам всех коз слопал? – нахохлился Жбанчик.

Кузнец брови насупил. Не верит, что крылатый пять коз сожрал. Причём, трёх – его, кузнечих. И жена ему наказала – без коз не вертаться. А жена у него – у-у-ух!

Так и не сожрал змей коз, а распугал. Приснули, дуры лупоглазые, какая куда. Уж искал их Жбанчик опосля, искал. Горлом охрип, так звал. Не дозволялся.

Когда он, Жбанчик, посадом бежал, вопя: «Змей! Змей!» его разве что дрекольем не охаживали. Тоже не верили. Сколько лет духом змеиным в этих краях не пахло!

Князь, и тот в бороду хмыкнул. Мол, кто ему змееву башку принесёт, он за того Златославу, младшенькую свою, отдаст. Чем она принцесс, что за тридцать земель, хуже? И всем благо. Змей не будет народ страшить да коз таскать. А молодцу, что змея на голову укоротит – слава и красна девица. Да и то сказать. Кто змея одолеет, богаче иных владык станет. Какой же змей добро своё не сторожит – злато-серебро да камни-самоцветы? Златке тоже любо – такого смельчака, как у неё, ни у одной девицы нет. И не будет. Ибо перевелись змеи-то.

Слушала Златка отца, слушала. Опосля веночек поправила да косу русую за спину перекинула. И к Жбанчику подступила.

– Змей-то велик? – спросила.

И очами синими сверкнула.

Ему, Жбанчику, змей показался с гору. Но он придержал язык.

– Я токмо морду видел, – признался. – Огромная – жуть! Чешуя – ну как золотые монеты, что у девок в монастырях.

Нахмурилась Златослава. Отца за рукав потянула. Читывала она, мол, что змеям нету перевода. Они являются этим... курантом равновесия. И ежели выползают, жизни перевернуться должно.

Князь бороду огладил. Шибко учёная ты, мол, Златка. Змеи ежели кому и являются, то пьяным козопасам. Чего ей, жизни, переворачиваться-то? Раз прежде было любо, то и нонче сойдёт. А ежели кто поперёк него пошёл и худое замыслил...

Тут князь кулачище ка-а-ак стиснет! А кулачище-то – ух! Чуть меньше кузнечего...

Добрый молодец у пещеры тянул шею, всматривался в пугающий провал. Который, чем ближе ночь, тем чернее.

Только из кустов у пещеры словно солнышко выглянуло. Неужто Златка суженым любоваться пришла?

Точно, Златка!

А следом мамки да няньки. Так и зыркают, чтоб не обидели кровинушку княжую. Не покусились на красну девицу допрежь молодца, которому она обещана.

И то – ладный молодец, да лицом пригож. А что больше мычит, то к лучшему. Девицы, они страсть, как любят, чтобы их речам внимали.

– Может, и не сам слопал, – проворчал кузнец. – В нутрах-то пещерных шаром покати. Куда бы твойный змей делся?

Изведя камни, молодец ткнул копьём внутрь пещеры. И сразу в сторону прыгнул. Гыгыкнул радостно. Ещё бы не гыгыкать. Никто в ответку-то огнём не полыхнул!

А ежели его, Жбанчика, сморило намеренно? Закемарил в теньке, а крылатый паскудник ему возьми да и привидься?

Тогда, как пить дать, князь вече скличет. И люд решит, как пустобреха наказать.

Закручинился Жбанчик. Что князь решит, то люд и сделает. Не шибко козопаса в посадке жалуют. Всё из-за коз, дур лупоглазых...

Только закат снова на подходе! Так и прошлым днём он, Жбанчик, туточки сидел. О приятностях разных думал. Глядь – в пещере будто светляки закружились. Точно над местом, где клад закопан. Жбанчик слышал, так бывает. Он и размышлялся, с места нагретого не вставая – вот бы светляки ему клад указали!

Лишь подумал, как слышит – шебаршит кто-то. Глянул – из темноты змей золотой прёт. Огнём пышет – страсть! Аж искры по сторонам!

Заорал тогда Жбанчик, как резаный. Схватил каменюку от кострища, да как засандалил гадине по носопырке! И ноги в руки, да не подведите, предки-заступники!..

Жбанчик не сразу понял, чего кузнец челюсть отвалил. И лишь услышав, как молодец копьё оземь брякнул, к пещере повернулся.

А там... Ой, мать-берегиня!

Там змей-поганец чуть не целиком вылез. Чешуя золотом горит, что твои дукаты. Башкой из стороны в сторону вертит. А башка – как морда лошадиная.

Добрый молодец, даром, что у пещеры жался, ка-а-ак засадил копьём в грудь супостата! Грудь – что ворота, тяжело промазать. Дёрнулся гад крылатый, исчез. Вместе с копьём.

– Ы-ы-ы! – затосковал молодец.

То ли по копыю, то ли по башке вожденной.

Из кустов, не таясь, Златка выскочила. Очи синие сверкают – ух! Румянец во всю щёку, коса растрепалась, грудь под сарафаном ходуном. Не девка – загляденье.

– А я говорила! Говорила, что змеям перевода нет!

И сама чуть не в пляс.

Посмотрел молодец на румяную Златку, в веночке набекрень. На мамок и нянек, что в сторонке жались. И пуще прежнего закручинился.

* * *

Рядом с королевой гхыров Хыг казалась такой хилой, что того и гляди – раздавят. А не раздавят, хвостом сметут и не заметят. Поза почтения тоже не прибавляла ей внушительности.

Но сейчас именно она, Хыг, завладела вниманием всего рода. И ей – страшное дело! – это нравилось. Нравилось обмирать от ужаса и восторга. Нравилось чувствовать жар Её Великолепия, да коснётся она гребнем солнца. Нравилось слушать, как шипят охвостья. А смотреть, как дрожат в бессильной злобе прихвостни, взрывая когтями песок, она вообще могла бесконечно.

Прихвостни жалели, что не отняли вчера у Хыг чудесный белый камень, а саму Хыг не сожрали с потрохами. Хотя она так отошала, одни мослы. Больше сил ушло бы разжевать да проглотить...

Наслаждаясь злобным бульканьем, Хыг посматривала, как Её Великолеpie, да будут зоркими её глаза, разглядывает дар Хыг. Дар необычный и ещё более редкий, чем белый камень – копьё добреца, который защищал свою краснодеву.

Копьё, как и камень, прилетело из мира хамусов за краем потаённой пещеры. Пещеры, которую Хыг уже считала своей. Так же, как и камень, копьё попало в Хыг. Только, в отличие от камня, не отскочило, а застряло в чешуе.

Её Великолеpie, да не иссякнет её терпение, долго изучала копьё, склонив голову набок. Наконечник блестел, точно клык. А какой прочный! Царапнешь когтем – следа не останется. Воистину отважен гхыр, добывший его!

Королева гхыров выгнула шею и развернула гребень.

– Копьё из мира хамусов – знак! – прошипела она. – Грядут перемены.

Прихвостни насторожились. Рядовые охвостья вытянули шеи, ловя каждое слово.

– Мы готовы к переменам, – продолжила королева, расправляя крылья. – И мы чтим вестников. Прежде ты была Хыг, охвостем из рода Золотых Гхыров. Теперь ты Хыгын, третья с конца в ряду прихвостней.

Прихвостни заволновались, защёлкали зубами, но поникли под взглядом Её Великолепия, да неоспоримы будут её решения.

Хыг – нет, отныне Хыгын! – приняла позу благодарности. Место третьей с конца в ряду прихвостней – предел мечтаний простой самки. Королева могла выбрать самца для продолже-

ния рода. Или для охраны кладки яиц. А рядовые самки, подобные Хыгын, искали пропитание для королевы и подносили ей дары. Дары, которые ещё больше укрепляли влияние и силу Её Великолепия, да не будет ей равных среди песков.

После того, как королева насытилась, Хыгын по праву вестницы получила свою долю мяса. Кусок хвоста того, кто вчера щёлкал зубами, не пуская жалкое охвостье к Её Великолепию, да приумножится её щедрость. Зря щёлкал. Не оценил красоту камня. Оценил бы – глядишь, лакомился бы сейчас другими неудачниками...

Хыгын заметила, что кожа на её лапе светлеет, предвещая линьку. Потерев лапу кончиком хвоста, она облизнулась. Да, быть третьей с конца в ряду прихвостней сытно и приятно. И ещё на прошлом закате она из последних сил славилась бы королеву за такую честь.

Но жизнь рода должна измениться. И особенно – жизнь вестника.

Хыгын вдруг поняла, что достойна большего.

* * *

В пещере лютовал добрый молодец. Лютовал с рассвета, прерываясь лишь на поданную Златкиными няньками снедь. Чего ж не лютовать? Змей-то – фьюить!

А Златка, вот она, на пригорке сидит, очами синими на героя посверкивает. А устанет сверкать, по книге, что на коленях раскрыла, пальцем водит.

– Змей... водяной... огневой... Нашла! Тут он! Змей пещерный, инако земляным именованный. Кажет суть свою токмо на закате, промежь дня и ночи. В миг сумеречный зело уязвим, и покуда кровь его не остыла, сокровища, кои он стережёт, таже взору открыты. След избегать сокровищ, кои орошены змеевой кровью. Ибо не принесут они благо, а токмо привадают беды...

Подпёрла Златослава кулачком щеку. Вдохнула. Ой, мастерица она на вздохе! А чего не вздыхать? То не добрый молодец в пещере, то судьба её. Вдруг не сложится?

Две Подковы с трудом оторвал взгляд от Златки. Верно, жену вспомнил. Или что козы с концами сгинули.

– Значица, не сбрыхал ты, Жбанчик, – сказал он.

И луковицей из котомки захрустел, точно яблоком. Правда, она горше лука бывает.

Лузгая семечки, козопас жмурился, точно сытый котище.

Вот жизнь изменчива! Сегодня его, Жбанчика все по плечу хлопали. Аж пылища столбом. Все твердили, каков он молодец.

Раз Две Подковы сказал, что змея в натуре узрел, значица, так и есть. Кузнец мужик солидный, его слово – весомо. Не чета брехне козопаса...

Жбанчик приободрился. Два раза змей выползал, выползет и втретью. И тот, кто змея порешит, добудет всё его злато. И Златку, ясен пень. Злато, оно к злату льнёт.

Ежели начистоту, Жбанчик и сам на княжну поглядывал. Да разве князь за козопаса дочь отдаст! А тут сам в запале клич кинул. И не рад, да слово не воробей...

Жбанчик вздохнул, подавился шелухой. Откашлялся, снова вздохнул и закинул пригоршню семечек в рот.

Вот по справедливости, ежели Жбанчик и Две Подковы крылатого порешат, зачем приблудный молодец? Тогда и награда им пойдёт. Кузнецу Златка ни к чему, у него жена и дети по лавкам. А добро змеиное, то в самую пору...

Красуясь перед зеваками, молодец разошёлся – ух! Пусть тех зевак – одна Златослава. Ради неё можно и постараться. На козопаса и кузнеца добрый молодец не смотрел. На мамок и нянек тем паче. Что есть они, что нет. Какой с них прок? Не на них же доброту переводить?

Молодец чудесил мечом. Свистел воздух. Блестела чешуёй кольчуга. Ойкала и хлопала в ладоши княжна.

Раззадоренный молодец воткнул меч в землю и замолотил кулаками незримого супостата. То с левой руки засадит. То с правой. То ногой пнёт, даром, что вражина повержена. Это же змей, змея всяко можно!

Златка заливалась смехом и бросала на молодца томные взгляды.

От этих-то взглядов молодец и сбрендил – только головой скорбный в пещеру полезет.

В пещере что-то блеснуло, гроыхнуло... и молодец исчез.

Ахнула Златка, вскочила на ноги. Подбежала к пещере, внутрь опасливо заглянула. Внутри – Жбанчик видел это даже с пригорка – было пусто. Только шлем юлой вертелся.

– Нету его! – крикнула Златка. И шлем ногой пнула. – Слышите, нету! Утащил его змей!

Ну чего расселись, точно пни замшелые?

Кузнец и козопас переглянулись. Мамки и няньки заохали, запричитали.

– Да, Жбанчик, – повторил Две Подковы. – Не сбыхал ты.

Посмотрел Жбанчик на пещеру. На Златку, что руки заламывала да костяшки пальцев грызла. На коз посмотрел, что снова по долине разбежались. И такая тоска его взяла, хоть вой.

– Не сбыхал, – кивнул он. – А раз так, сам видишь, нам герой нужен!

– Нужон, – согласился Две Подковы. – Край, как нужон.

– Такой, чтобы... одним махом. Такой, что пару подков зараз выпрямит.

– Так нету героев, что две подковы зараз, – огорчился кузнец. – Сколько ни наезжало самохвалов, никто меня не одюжил!

Вздыхнул Жбанчик. Две Подковы мужик дельный. Только думает медленно. И то сказать – думать, это не молотом по наковальне лупить.

Завтрашний вечер ещё не скоро. Змей-то лишь на закате является. Тоже с умом, хоть и тварь. Глядишь, кузнец к тому и дотумкает, чего Жбанчик хочет.

– Да... Никто не одюжил... – протянул Две Подковы.

* * *

Хыгын не знала, что так бывает. Даже не слышала, что так быть может.

На закате третьего дня из пещеры – её пещеры! – вылетело существо на четырёх лапах, в блестящей чешуе. И существо это не было гхыром. Вернее, сначала Хыгын подумала, что существо вылетело, хотя крыльев у него не было. Да толку от них. У самой Хыгын крылья есть, но их ни разу не наполнил ветер.

Потом существо встало на две лапы. И – подумать только! – понеслось на них, куда глаза глядят. Хыгын, свив хвост кольцом, оторопела.

Ну и глупа же она! Если из пещеры, ведущей в мир хамусов, выскакивает двулапое существо, то кто это может быть? Самый настоящий добрец! Догнать, немедленно догнать!

И Хыгын, опомнившись, ринулась в погоню. Мясо и вода прибавили ей сил. Так прибавили, что, подпрыгнув, она даже пролетела немного.

Как интересно поговорить с чудным добрецом! Расспросить о мире хамусов. О краснодевах. Рассказать, как его копье восхитило королеву гхыров. Хыгын бы на месте добреца гордилась...

Но хамус в блестящей чешуе оказался неразумен. Лишь тянул на разные лады «ы-ы-ы» да «ы-ы-ы». И ничего больше. Хамус он и есть хамус.

Значит, его можно поднести Её Великолепию, да придётся ей такой дар по нраву.

Глупый добрец утомился, охромел, но всё равно опережал Хыгын. А когда сбросил часть своей чешуи, то припустил с новой силой.

Добреца ловили всем родом и долго разгрызали оставшиеся чешуйки. Прихвостни при этом сломали дюжину клыков и пяток коренных зубов.

Королева гхыров ела первой. А после подозвала Хыгын. Нет, отныне – Хыгыннас, первую в ряду прихвостней. Признавая её заслуги, королева подтолкнула к ней крылом сочный кусок мяса. Статус Хыгыннас среди прихвостней взлетел на невиданную высоту. Теперь на неё даже косо посмотреть не могли. Боялись.

Когда не осталось ни мяса, ни костей, Хыгыннас пожалела, что хамус не развлёк Её Великолепие, да будут сытыми её закаты. Но добрец принёс бы сплошные хлопоты. Корми его, пои. Бесконечное нытьё выслушивай. От которого хвост дёргается и чешуя того и гляди, осыплется.

– Если твой новый дар затмит сегодняшний, – прошипела королева, – быть тебе моим подкрылком.

Хыгыннас приняла позу почтения, а после, не сдержавшись, исполнила танец восторга. Обычно королевскую кладку охраняли подкрылки-самцы. Самки редко достаивались такой чести. На памяти Хыгыннас этого не случалось ни разу.

Заняв яму, которую вырыл для неё в песке рядовой гхыр, Хыгыннас содрала сползающую с лапы... уже с двух лап кожу. Молодая чешуя имела странный цвет. Словно небо в мире хамусов. Это взволновало Хыгыннас, но не особо. Она слишком долго голодала, теперь же мясо и вода быстро вернут чешуе цвет рода.

Когда лежище успокоилось, Хыгыннас размяла затёкшие лапы. Заветная пещера была далеко. Если Хыгыннас хочет обернуться до заката, надо поторопиться.

Только один дар мог превзойти её сегодняшнее подношение. Где-то в мире хамусов осталась без добреца красноева. Одинокая, испуганная. Некому защищать её и отложенные ею яйца. Если королева получит красноеву, то род Золотых Гхыров станет самым великим! Зелёные и Чёрные Гхыры сами приползут на поклон...

А Хыгыннас? Кто знает, как изменится её жизнь?

* * *

Какой Златослава подняла крик – слов не подобрать. Князь, однако, сумел. Только прежде мамок и нянек прогнал, что на вопли сбежались. Насилу доченьку урезонил.

И, едва солнце к закату – Златка уже на крыльце козопаса. Улизнула от своих стражниц, егоза. И ногой как топнет! Глазами ка-а-ак сверкнёт! Так, мол, и так, веди к пещере. Сон приснился, что вернулся добрый молодец. С башкой змеевой и камнями-самоцветами. Веди, и всё тут!

Жбанчик и повёл. Только по пути к кузнецу завернул. Две Подковы, верно, всю ночь глаз не смыкал. Потому что хмурился пуще прежнего. Но подле корзинки, куда жена ему снедь собрала, молот стоял. Такой молот – у-у-ух!

Последнюю версту Златка бегом бежала. Так торопилась суженого встретить.

Жбанчик вообразил, что выйдут они к пещере, а молодец – тут как тут. Сидит на башке змеевой и награду синеокою ждёт. И так это Жбанчик ясно увидал, что шибко удивился, когда молодца не сыскалось.

Разрыдалась княжна, замолотила кулачками – то по Жбанчику, то по кузнецу. Не иначе, у суженого научилась. Жбанчик только успевал голову руками закрывать. Будто его вина, что молодец сгинул!

Две Подковы перехватил девичьи запястья. Златка ткнулась ему в грудь.

– Нету-у-у его-о-о! – икая, запричитала она. – Не-е-е-ту!

Кузнец нахмурился, погладил Златку по голове.

– Вернётся он, Златочка. Шороху наведёт и вернётся.

– Не-е-ет! – Златка отстранилась, шмыгнула носом.

Жбанчик, держась от княжны поодаль, украдкой посмотрел на небо. До вечера рукой подать. Значица, змей может в любой миг вылезти.

Златка глянула на шлем суженого, что так у пещеры и лежал. Заревела белугой:
– Не уви-и-ижу я ево-о-о! Никогда-а-а!

Зашумело в пещере. И на белый свет выперлась змеева морда. Будто услыхала, что её покликали. А здоровая же – ух! Сожрала, небось, добра молодца, оттого и разнесло.

Увидала Златослава змея. Да как взвизгнет! Как от кузнеца прянет!

Две Подковы хотел её удержать, да куда там! Вывернулась Златка, к пещере кинулась. К самой раззявленной пасти.

– Змеечка! Да как же так! Зачем молодца забрал?

Ишь, смелая какая!

– Змеечка! Зачем тебе молодец глупый? Он уголь от смарагда не отличит! – несло из темноты. – А я хоть и младшая, да княжна! Ты меня, меня заberi!

* * *

Хыгыннас заполошно вылетела из пещеры. Удар её хвоста обрушил сталагмиты, блестящие, точно клыки гхыра. И серебряное марево между ними померкло. Исчез выход в мир хамусов, развеялось небо такого невозможного цвета...

«Навсегда!» – поняла Хыгыннас.

Но сожалеть об упущенных возможностях и неизведанных чудесах было некогда. Неуклюжий пируэт грозил ей падением.

Заворожённая прыгнувшей навстречу землёй, Хыгыннас услышала визг, инстинктивно взмахнула крыльями...

И воспарила над золотыми песками. Песками, что искрились со всех сторон, насколько хватало взгляда.

Хыгыннас захлебнулась восторгом. Она летела. Летела!

В роду гхыров летать могли только королевы. Но Её Великолепию некогда спорить с ветрами. Она откладывает яйца, управляет родом, охраняет богатство...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.